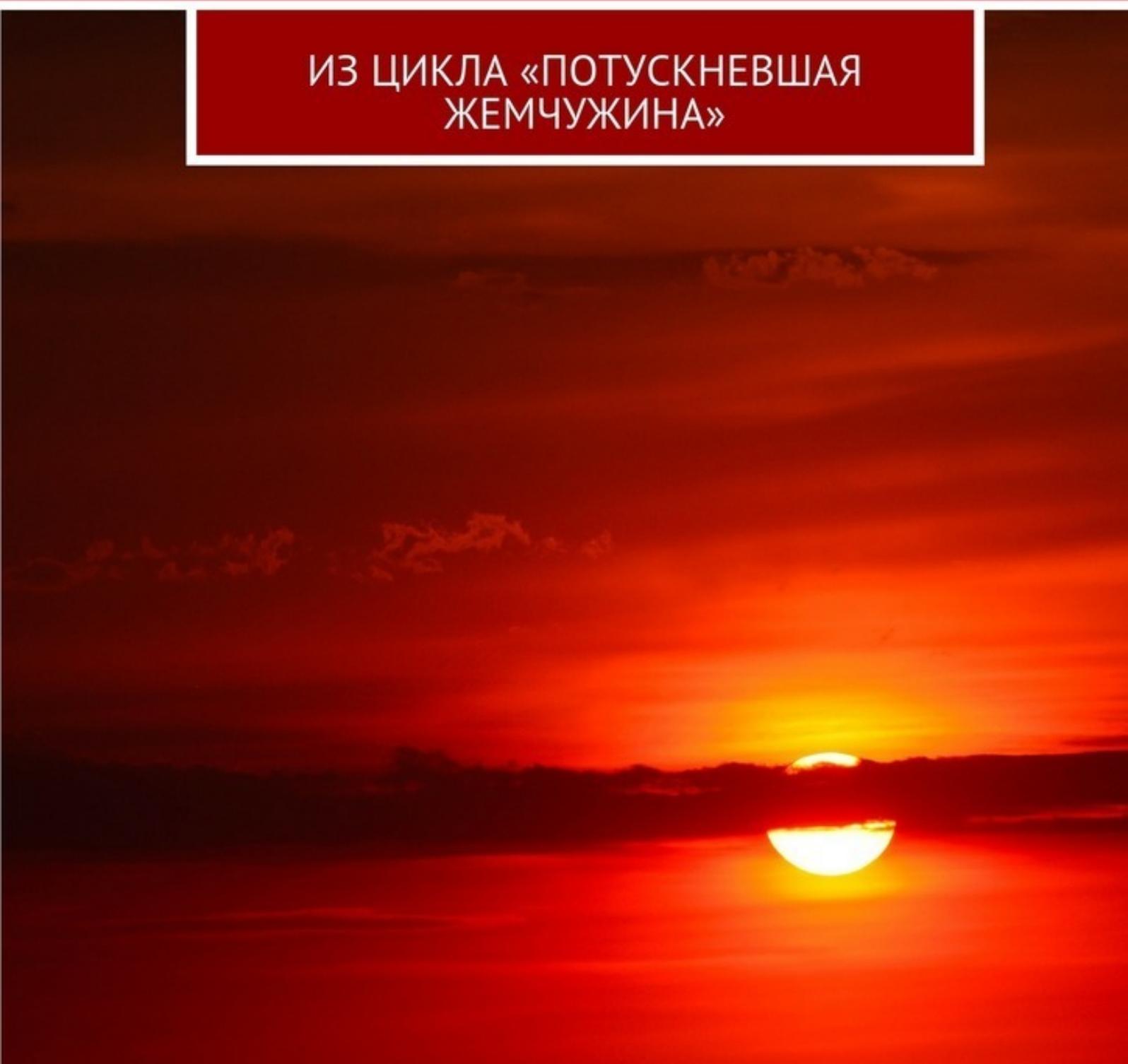

АЛЕКСАНДР БАСОВ

Вдали от солнца

ИЗ ЦИКЛА «ПОТУСКНЕВШАЯ
ЖЕМЧУЖИНА»

Александр Басов

**Вдали от солнца. Из цикла
«Потускневшая жемчужина»**

«Издательские решения»

Басов А.

Вдали от солнца. Из цикла «Потускневшая жемчужина» /
А. Басов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836799-1

Прямое продолжение сюжетной линии сержанта Ладвига из произведения «Союз верных. Энгельбрук». Западное герцогство готовится к войне с Востоком. В Озерном Замке под руководством егермайстера Манфреда пытаются создать новый род войск, в качестве основной боевой единицы которых планируется использовать демонов. Выживший после ранения Ладвиг оказывается в центре событий.

ISBN 978-5-44-836799-1

© Басов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вдали от солнца
Из цикла «Потускневшая жемчужина»
Александр Басов

© Александр Басов, 2017

ISBN 978-5-4483-6799-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Напоследок его ещё разок пнули ногой по рёбрам, но на этот удар истерзанное тело уже никак не отозвалось. За ночными гостями закрылась дверь камеры, и наступила тишина. После попытки сделать глубокий вдох, лицо избитого человека перекосилось, он наскоро обследовал пальцами грудную клетку и с облегчением убедился, что все кости целы.

«Ты не сильно пострадал?» – мысленно спросил Напарник.

«Нет. Эти ребята знают своё дело. Бьют так, чтобы от каждого удара рёбра звенели, будто церковные колокола, но калечить не собираются».

«Зачем они причиняли тебе боль?»

«Их об этом попросили. Я уже пытался объяснять тебе, что такое месть».

«Значит, они делают это ради кого-то другого?»

«Да, это так. Не думал, что ты сможешь понять. Есть здесь человек, который радуется, что меня в очередной раз превратили в отбивную».

«Я тебе помогу. Сейчас станет легче».

«Спасибо... Не знаю, что бы я без тебя делал».

«Ты пока вспомни что-нибудь. Мне нравится смотреть твои воспоминания».

Чумазый оборванный мальчишка так ловко вскарабкался по обветшавшей стене сарая, что под ним не заскрипела ни одна жердь. Забравшись на самый верх, он проделал в соломенной крыше дыру и ползком пробрался внутрь. Там было пыльно, пахло мышами и птичьим помётом, но за свою недолгую жизнь мальчишка видел места похуже, поэтому даже не поморщился. Сквозь прорехи в соломенной крыше проникали лучи заходящего солнца, освещая захламленный чердак. Передвигаться без риска для здоровья здесь можно было только ползком.

Однажды кто-то из деревенских парней попытался встать на чердаке в полный рост и потолочные жерди его вес не выдержали. Мальчишка не стал повторять чужих ошибок и быстро перебрался к противоположному скату крыши. Здесь он заранее подготовил оконце, до поры до времени заткнутое донышком от старой корзины. Паренёк осторожно выглянул наружу и не смог скрыть довольной улыбки. Те, за кем он наблюдал всю последнюю декаду, сегодня вновь пришли на поляну перед старым сараем.

Двое мужчин в длинных кожаных плащах достали из своих вещей гладко обструганные палки и встали в центр ими же вытоптанного круга посреди луговой травы. То, что стало происходить дальше, напоминало некий сложный танец под аккомпанемент звуков, которые издают сталкивающиеся друг с другом сухие деревяшки. «Танцоры» перемещались внутри круга, руководствуясь им одним известной закономерностью. За несколько дней наблюдений, мальчишка начал понимать основные правила и даже предугадывать последовательность шагов после того или иного действия.

Непросто было уследить за тем, как мужчины управлялись с палками, имитировавшими холодное оружие. Лишь в тех случаях, когда фехтовальщики детально отработывали тот или иной приём, они выстраивали движение учебного оружия из нескольких последовательных фаз. Тогда мальчишка буквально пожирал глазами происходящее на поляне, стремясь запомнить всё, чему был свидетелем.

После лёгкой разминки мужчины продолжили свои занятия с другими, более длинными палками. Сразу же изменился ритм «танца», движения замедлились, стали размашистыми, плавными и невероятно красивыми. Это ни шло, ни в какое сравнение с тем, чем фехтовальщики занимались раньше. Наплевав на осторожность, мальчишка высунул голову через дыру в крыше, чтобы ничего не упустить. За время наблюдений он поднабрался опыта, поэтому сразу

понял, по какому принципу должны двигаться ноги и теперь внимательно следил за каждым поворотом корпуса фехтовальщиков и за каждым взмахом их рук.

Между собой палки сталкивались реже, выбивая ритм, сродни тому, что задавали себе плясуны на деревенском празднике, когда хлопали в ладоши. Пожирая глазами происходящее, мальчишка, выстукивал ритм костяшками пальцев по ближайшей деревяшке, не услышал, как за спиной раздался шорох. Резким рывком за ноги паренёк выдернули из дыры в соломе и швырнули на заскрипевшие от натуги потолочные жерди.

– Ну что, крысёнок, попался? – Злобно выдохнул кто-то прямо в лицо мальчишке.

– Тебя, ведь по-хорошему предупреждали, что это наше место, что не нужно сюда больше лазить.

Этот голос принадлежал Блэру – склонному к жестокости парню, считавшему себя вожаком деревенских подростков. Он славился умением придумывать разнообразные забавы, большинство из которых заканчивалось синяками и ссадинами для их участников. Особое удовольствие доставляло Блэру созерцание издевательств его подручных над тем, кто не мог дать должного отпора.

– Ну и что с тобой теперь делать? – Блэр спросил это таким тоном, будто речь шла о дворовой собаке, нагадившей на ступеньках его дома. – Кто-нибудь мне подскажет?

Со стороны могло показаться, что вожак деревенских подростков чем-то смущён и не слишком уверен в себе, но это был бы обманчивый вывод. За показным спокойствием скрывался злобный и мстительный, не склонный к милосердию человек.

– Нужно его хорошенько проучить. – Предложили из дальнего угла чердака. – Давайте его с крыши вниз столкнём.

– Нет, – возразил тот, кто держал за ноги пойманного мальчишку. – Не интересно. Лучше его за ноги подвесить, пускай до утра повисит, будто летучая мышь.

– Сбежит. – Не согласился с ним Блэр. – Этот крысёнок до смерти надоел всей нашей деревне. Если он исчезнет, то никто его не хватится, только спасибо скажут. Пора нам стать настоящей бандой, а для этого нужно скрепить клятву кровавой порукой. Смелости у всех хватит?

Нестройный хор голосов подтвердил решение вожака.

– Отлично. – Продолжал Блэр. – Спускайте его потихоньку вниз. Вяжите, чем придётся, чтобы не убежал. Сегодня ночью будет настоящее веселье.

В разговор пойманный паренёк вступать не стал. Он не раз имел дело с этими малолетними хулиганами и знал, что оправдываться, или просить о пощаде – бесполезно. Рассчитывать на чью-то помощь тоже не приходилось. Блэр был недалёк от истины, когда говорил, что жители деревни плохо относились к мальчишке. Открыто никто не симпатизировал беспризорному бродяге, вид которого неизменно вызывал раздражение у зажиточных фермеров.

Мальчишка решил действовать в тот момент, когда подростки на мгновение отвлеклись. Первым делом он вскочил на ноги и, стремясь к гарантированному результату, подпрыгнул на месте. Потолочное перекрытие немедленно обрушилось, после чего все присутствовавшие на чердаке попадали вниз. Поскольку сарай был завален кузовами разобранных телег, сломанными колёсами и старыми мельничными жерновами, не для всех падение оказалось мягким. Кто-то сразу же взвыл от боли, поминая крепким словом людей, оставивших в сарае горы никому не нужного барахла.

Те, кому повезло больше, только-только начали выбираться из завалов мусора. Вскочив на ноги первым, мальчишка схватил подвернувшийся под руку обломок жерди и приготовился обороняться от обидчиков. Преследователи были заняты тем, что приходили в себя после падения, и эта медлительность дала беглецу небольшую фору. Одним прыжком он преодолел расстояние до дверей сарая и выскочил наружу.

Здесь паренёк ждал неприятный сюрприз в лице четырёх деревенских хулиганов, ожидавших возвращения своих друзей. Они прекрасно знали, на кого шла охота, и очень обрадовались, когда дичь сама нашла к ним дорогу. Пути к отступлению были отрезаны, и мальчишка принял единственно верное решение. Схватив обеими руками обломок жерди, он сделал им круг над головой и бросился в атаку.

По другую сторону сарая продолжался учебный поединок, и, прислушиваясь к доносившимся оттуда звукам, мальчишка очень быстро вошёл в нужный ритм. Удары сыпались направо и налево, заставляя подростков держаться на почтительном расстоянии. Досталось и вышедшему из сарая Блэру, который, призывая хулиганов не трусить, предлагал накинуться всем одновременно. Этот план был вполне осуществимым, но каждый из нападавших уже получил несколько чувствительных ударов обломком жерди и не слишком охотно лез вперёд.

Паренёк начал выдыхаться, но никто из подростков этим обстоятельством воспользоваться не успел. В какой-то момент все они сорвались с места и побежали в сторону деревни. Возле сарая остался шатавшийся от усталости победитель, которому едва хватило сил, чтобы взметнуть вверх своё импровизированное оружие.

– Это правильно. Настоящий воин должен уважать противников. Даже тех, которые позорно бежали с поля боя. Отдать им салют – дело чести.

Мальчишка обернулся на голос и увидел неподалёку от себя обоих фехтовальщиков. Судя по всему, именно их появление заставило хулиганов поспешно отступить.

– Ты неплохо сражался, малыш, – сказал мужчина, в чертах лица которого без труда угадывалось благородное происхождение. Ростом он был на полголовы ниже своего спутника, но выигрывал шириной плеч. – Могу я узнать твоё имя?

– У меня нет имени, – признался мальчишка. – Кличут нищевродом, крысёнком, а то и просто – поганым ублюдком.

– Непорядок, – покачал головой фехтовальщик. – У всех людей должно быть имя, данное им родителями в присутствии служителя Богов. Таков обычай, который никто не вправе нарушать. Моё имя – Хилдебранд. Я – рыцарь, сражающийся во имя Богов. Моего оруженосца и верного товарища зовут Эйлерт. Могу я узнать причину, по которой твои родители пренебрегли своей обязанностью, не дав сыну пристойного имени?

– У меня нет родителей, господин Хилдебранд. Я сирота, подкидыш. Живу, где придётся.

– Тогда кто тебя научил приёмам обращения с оружием? – Удивился рыцарь. – Ты действовал весьма неплохо для столь юного возраста. Назови имя своего учителя фехтования.

– Не гневайтесь, господин Хилдебранд, – смутился мальчишка. – Я уже целую декаду подсматриваю за вашими тренировками. Другого учителя у меня нет, и не могло быть.

– Постой-ка, – удивлённо нахмурился рыцарь. – Мы же только сегодня стали упражняться с деревянными мечами, имитирующими полутораручное ружье. Не так ли, Эйлерт?

– Вы правы, мой господин, – подтвердил оруженосец. – Рука почти не беспокоит меня. Мы уже можем вернуться к тренировкам с боевыми мечами.

– Я понимаю твоё нетерпение, Эйлерт. Подожди ещё пару дней.

– Как прикажете, мой господин.

– Ты хочешь сказать, малыш, что никогда раньше не брал уроки фехтования? – Задал очередной вопрос Хилдебранд. – Никогда не держал в руках оружия? Любого, пускай даже тренировочного?

– Никогда, мой господин.

– С твоей стороны не совсем уместно такое обращение ко мне. Ты не давал присягу на верность, поэтому я не могу считаться твоим господином.

– Простите, господин Хилдебранд! – Вскричал мальчишка, беспокоясь, что невольно нанёс оскорбление. – У меня случайно вырвалось! Простите!

– Ничего страшного. Твоя оговорка навела меня на одну мысль. Если Высшие Силы наградили человека способностями, то он должен развивать их и совершенствоваться. К дару Богов нужно относиться с величайшим почтением. Наша встреча не случайна, малыш. Я не могу позволить, чтобы ты прозябал в глуши, копаясь в земле наравне с другими крестьянами. Ты рождён, чтобы стать воином. Я – небогатый человек, но думаю, что могу позволить себе содержать не только оруженосца, но и пажа. Что скажешь, Эйлерт?

– Боги воздадут вам за доброту, мой господин. Этот мальчик не станет для нас обузой.

– Прекрасно. – Впервые за время разговора улыбнулся Хилдебранд. – Ты не против присоединиться к нашей компании, малыш?

Мальчишка, не смевший мечтать о таком повороте в своей судьбе, от волнения онемел. Два ручейка слёз скользнули по худому лицу, расплываясь на грязных щеках.

– Кажется, мой вопрос застал тебя врасплох. Извини, малыш, я человек прямой, и всегда говорю то, что думаю. Если трудно ответить, просто кивни в знак того, что согласен.

Мальчишка мотнул головой с такой силой, что брызги слёз полетели вперёд не меньше, чем на фут. Он вытер лицо, окончательно размазав грязь, и надрывно вздохнул.

– Я тебя понял. – Сказал Хилдебранд. – Сейчас Эйлерт принесёт меч, и ты сможешь присягнуть мне на верность. Единственная проблема в том, что я не могу взять в пажи человека, у которого нет имени. Придётся самому восполнить этот пробел. Я уверен, что когда-нибудь ты станешь известным воином, поэтому тебе подойдёт имя – Ладвиг. Во имя Милостивых Богов, да будет так!

– Хватит здесь прохлаждаться, – проворчал лекарь, ощупывая шрамы на спине пациента. – Раны затянулись. Сейчас вызову конвой, он доставит тебя назад, в Озёрный замок.

– Спасибо, что вылечили.

– Это моя прямая обязанность. – Подняв вверх указательный палец, многозначительно сообщил лекарь. – Если бы ты лихорадку не подхватил, то ещё раньше бы из лазарета вышел. Ранения несложными оказались. Ни один из ножигов ничего серьёзного не повредил. Везучий ты.

– Был бы везучим, не отправлялся бы сейчас в тюрьму.

– Молодой ты ещё, жизни толком не видел, – со снисходительной усмешкой покачал головой лекарь. – Напомни-ка, чем раньше занимался?

– Сержант городской стражи Энгельбрука. Инструктор по клинковому оружию.

Лекарь засмеялся, будто ему сообщили свежую шутку.

– Вот и протирал бы до старости штаны в караулке. – Сказал он. – Хочешь знать, какие на той должности были перспективы? Я тебе отвечу: ни-ка-ких! Максимум, чего ты мог бы добиться в мирное время, так это дослужиться до лейтенанта. Да и то, без протекции – маловероятно. Если бы случилась война, то пошёл бы сразу действующую армию, а уж там, как сложилось бы...

– А здесь меня сразу же в полковники произведут? – Язвительно поинтересовался Ладвиг.

– Вот ещё! – Фыркнул лекарь. – Полковнику о таком будущем только мечтать. Здесь создаются элитные войска! Ты – один из тех, кому доверено поднять до небес ударную мощь армии герцога Кэссиана! Если вы все оправдаете его надежды, то наградам и званиям не будет числа. Дворянство получишь, а то и деревушку в ленное владение. Но для этого себя нужно подать правильно. Чуют наперёд, что начальству требуется.

– Что-то не верится мне в такое счастье...

– Ты слушай старого лекаря, парень. Я многое повидал. Как только элитные войска будут созданы, начнётся война. Насколько она будет для нас успешной, зависит, в том числе и от тебя.

Конвой состоял из одного, немолодого уже стражника с унтер-офицерскими нашивками. Из оружия у конвоира имелся только короткий меч, который он даже не стал вынимать из ножен.

– Не бойтесь, что сбегу? – Спросил Ладвиг, рассматривая невысокого, коротконового унтера, едва ли способного догнать даже хромую курицу.

– Беги. – Равнодушно заявил стражник. – Лесок этот так оцеплен, что мышь хвоста не просунет. А если надумаешь с дороги в трясину свернуть, то помощи потом не проси. Не полезу я тебя выручать.

– Ясно. Какой тогда смысл меня конвоировать? Сказали бы куда идти, я бы и сам дошёл.

– Конвой для порядка нужен. – Серьёзно ответил унтер. – Не положено без провожатого по территории шастать. Ступай за мной.

Ладвиг ожидал увидеть на болоте вешки, отмечавшие безопасный путь, но через топкое место была проложена гать, по которой они без проблем добрались до Озёрного замка. Ещё на дальних подступах сержант заметил, как изменился внешний вид крепости. Над стеной виднелась высокая деревянная крыша, судя её по размерам, перекрывавшая весь внутренний двор.

– Зачем эта конструкция? – Спросил Ладвиг у конвоира.

– Не знаю. Начальству виднее.

– Ещё недавно там была открытая площадь.

– Пока ты в госпитале валялся, сюда мастеров по дереву свезли со всего герцогства. Караваны со строевым лесом день и ночь шли. Крышу эту возвели в такие сроки, что плотники сами потом удивлялись.

– Сколько ж на это средств потрачено... – Произнёс потрясённый масштабами строительства Ладвиг. Вспомнив слова лекаря об элитных войсках, он понял всю серьёзность намерений герцога Кэссиана.

– Да. – Согласился унтер. – Целую деревню из тех стройматериалов можно было бы выстроить, да ещё и частоколом её обнести.

Двери, ведущие во внутренние помещения Озёрного замка, открылись перед Ладвигом только после того, как его обыскали охранники. Ничего особенного, кроме костяной зубочистки, они найти не смогли, но и её долго рассматривали, прежде чем вернуть владельцу.

Маршрут, по которому двое охранников повели сержанта, был ему знаком. Он ожидал, что промежуток между внешней и внутренней стеной замка окажется перестроенным, но там осталось всё по-прежнему. О недавно завершившемся строительстве напоминал только стойкий запах пилёной древесины. Разглядывая скат громадной крыши, Ладвиг заметил прорубленные в ней оконные проёмы. Такое расположение окон навело на мысль, что они не предназначались для восполнения недостатка солнечного света. Видимо, под крышей находились какие-то помещения.

Выйдя из тоннеля, который вёл к камерам, сержант поразился тому, как изменилось внутреннее пространство тюрьмы. От каменного кольца, где были в два яруса расположены камеры, двор отделяла сплошная стена из плотно пригнанных друг к другу досок. Получился ещё один кольцевой коридор, значительно сокративший объём внутреннего двора тюрьмы. Впрочем, Ладвиг уже не был уверен, что за деревянной стеной находится мощёная камнем площадь, где ему когда-то приходилось бывать.

– Что ж у вас темно так здесь? – Поинтересовался сержант у ближайшего к нему стражника. – Эти редкие факела между дверями камер почти никакого света не дают.

– Дорогу видно, и этого достаточно. На стенку деревянную факела крепить нельзя, а то пожар может случиться.

– Зачем людей солнечного света лишили? – Спросил Ладвиг, не сильно рассчитывая на ответ.

– Люди и так проживут, а вот напарники его не переносят.

– Какие такие напарники?

– Хватит трепаться. – Произнёс другой охранник, открывая дверь камеры нижнего яруса. – Постельные принадлежности принесут позже. Изнутри засова нет. Не вздумай чем-нибудь подпираться. Это запрещено. Ломать мебель запрещено. Очень громко разговаривать, или кричать запрещено. Неповиновение приказам рассматривается, как воинское преступление. Вопросы есть?

– Только о напарниках.

– Про них тебе расскажет начальство. Ещё вопросы есть?

Много времени на раздумье, охранник не оставил. Пока Ладвиг собирался с мыслями, дверь камеры закрылась, и следом раздался скрежет задвигаемого засова.

«Свои вопросы, господин сержант, вы можете засунуть, сами знаете куда», – невесело подумал он, пытаясь рассмотреть обстановку нового жилища.

Снаружи, рядом с дверью камеры, горел факел, но через небольшое оконце внутрь почти не проникал свет. Глаза постепенно привыкли к сумраку и, помимо стола и стоявшего рядом с ним табурета, Ладвигу удалось разглядеть в углу кровать. Грубо изготовленная мебель оказалась накрепко прибита к полу. Больше в камере ничего не было.

Глава 2

Весь путь до Энгельбрука, егермайстера Манфреда не покидало мрачное настроение. Его вызвали в столицу Западного герцогства раньше, чем ожидалось, и ничего хорошего это не предвещало. В депеше говорилось, что егермайстер должен как можно скорее прибыть во дворец Мост Ангелов, где и получит дальнейшие указания. Размышляя над причиной срочного вызова, Манфред захватил с собой полную отчётность по затратам на реконструкцию Озёрного замка. Пришлось спешно собирать все счета и расписки, которых набралось приличное количество.

Перерасход выделенных на строительство средств был, но не превышал разумных пределов. В другое время на это никто не обратил бы особого внимания, но сейчас можно ожидать чего угодно. Как у всякого человека, добившегося высокого положения в обществе, у егермайстера были недоброжелатели. Некоторые из них даже не скрывали своего желания заполучить должность, которую занимал Манфред. Многие глубоко наивные люди всерьёз полагали, что профессиональные обязанности егермайстера ограничиваются заботой об охотничьем хозяйстве его светлости.

Никому из них не приходило в голову, какими ещё проблемами приходилось заниматься главному егерю герцогства. Иногда Манфреду очень хотелось, чтобы завистники узнали о реальном положении вещей, тогда попыток сместить его с должности было бы меньше. К сожалению, это могло привести к появлению действительно серьёзных претендентов, способных составить достойную конкуренцию Манфреду, а такое в его планы не входило.

Егермайстер прекрасно знал, каких известий ждали в Энгельбруке, но он ничем пока не мог порадовать людей, курировавших проект по использованию демонов в армии герцога Кэссиана. Время, которое отводилось Манфреду на исследование принципиальной возможности подчинения слуг сатаны человеку, ещё не истекло. Рано или поздно, этот день должен был наступить, но кураторы пока не требовали результата.

Это могло радовать только в том случае, если бы удалось, хотя бы чуть-чуть продвинуть исследование вперёд, получив неоспоримые доказательства, подтверждающие правильность выбранного пути. Тогда Манфреду не пришлось бы опасаться, что над его головой станут сгущаться тучи и начнётся грозовой ливень. Упоминание о любом, даже самом скромном результате должно успокоить кураторов проекта, доверивших егермайстеру создание элитного рода войск.

За свою долгую службу в должности егермайстера, Манфред убедился, что начальство подобно ожидающим подарка детям, которые любят сюрпризы, но никогда не откажут себе в удовольствии заранее узнать, что же скрывается в перевязанной красивой ленточкой коробке. Здесь важно не обмануть ожиданий малыша, всегда мечтающего получить больше, вне зависимости от возможностей того, кто дарит подарок. Если с помощью нескольких вовремя сказанных слов заинтересовать ребёнка, то его мысли будут направлены в нужном направлении. И даже посредственный сюрприз всегда будет благосклонно принят, если того, кому он предназначен, удастся убедить, что лучшего подарка и быть не может.

Манфред долго обдумывал слова, которые дадут понять кураторам проекта, что у них нет причин для волнений. Мысленно выстраивая диалог с начальством, егермайстер то и дело недовольно кривился, понимая, что его речь выглядит совершенно неубедительной. Ему не хотелось прибегнуть к помощи лжи, но, если не останется другого выхода, то придётся приукрашивать достижения. Выбрав этот путь, Манфред сознательно загонял себя в тупик, выйти из которого можно было, получив необходимый начальству результат. Времени на это оставалось всё меньше, а исследование едва успело сдвинуться с начальной точки.

Подавая дежурному офицеру депешу, которой он был вызван в Энгельбрук, Манфред загадал на то, что всё будет в порядке, если ему сейчас дадут отдохнуть с дороги. Ни с того, ни с сего возникшая мысль удивила его самого, но где-то в глубине души тихо прозвучало: «а вдруг?». Офицер сверился со своими записями и сказал:

– Как только будете готовы, дайте мне знать. Вас сразу же проводят к месту назначенной встречи.

– Я не ослышался? – Удивился Манфред. – Вы хотите сказать, что у меня есть время на отдых?

– В пределах разумного, господин егермайстер, – уточнил офицер. – На вашем месте, я не стал бы заставлять долго ждать графа Фридхелма.

Манфред достал платок и промокнул им моментально вспотевший лоб. Видимо, офицер решил, что визитёр испугался предстоящего разговора с всемогущим вельможей, и сочувственно улыбнулся. На самом деле, это была замечательная новость. Из всех кураторов проекта, только граф Фридхелм вызывал у егермайстера неподдельное чувство уважения. Его сиятельство отличался здравомыслием, рассудительностью и всегда вникал в суть вопросов, по которым ему доводилось принимать решение.

«А, ведь, сбылось, – подумал Манфред, – теперь, действительно всё будет в порядке. Лгать мне точно не придётся».

– Я прекрасно чувствую себя с дороги, – сказал он дежурному офицеру, – готов немедленно встретиться с его сиятельством.

Офицер дворцовой стражи понимающе кивнул и сделал знак одному из своих подчинённых:

– Проводите господина егермайстера.

Встретиться с графом Фридхелмом предполагалось в одной из небольших комнат, одинаково пригодных, как для любовных свиданий, так и для деловых переговоров людей, высоко ценивших конфиденциальность. Основным достоинством таких помещений было наличие ещё одной двери, выведившей в потайной проход, и несколько слоёв тканевых драпировок на стенах, что значительно осложняло подслушивание.

Стражник подвёл Манфреда к неприметной двери в тупиковом ответвлении коридора, открыл дверь, но сам внутрь заходить не стал.

– Вам сюда, господин егермайстер.

Манфред убедился, что все пуговицы на его мундире застёгнуты, после чего шагнул в дверной проём, на ходу поправляя манжеты на рукавах. Пока он сообразил, что в комнате кроме него никого нет, за спиной раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

«Видимо, поэтому мне и давали время на отдых, – догадался егермайстер, – а то со слов дежурного офицера выходило так, будто его сиятельство уже меня ожидает».

Он обошёл комнату, приотворил дверцу встроенного в стену шкафа и улыбнулся, увидев там многочисленные подушки, простыни и ещё какие-то постельные принадлежности. Драпировки были пропитаны сложным ароматическим составом и благоухали, словно цветочная клумба безветренным вечером. В глазах зарябило от свободно свисавших широкими волнами розовых занавесей, белых кружев и тёмно-красного ковра на полу. Манфред опустился в одно из кресел, вытянул вперёд ноги и только сейчас ощутил, что дорога действительно его утомила.

Егермайстер открыл глаза и не сразу понял, где находится. Над головой нависал низкий каменный свод из грубовато отёсанных блоков. Вытянув руку вверх, Манфред коснулся пальцами камня, провёл по стыкам. Поверхность была холодной, но сухой, без всяких признаков плесени, или склизкого налёта. Повернув голову, убедился, что находится в небольшом, ограниченном с трёх сторон решётками, закутке, являвшемся частью просторного тоннеля. Скудное освещение не позволяло проследить его протяжённость ни в одну, ни в другую сторону.

«Была бы обычная тюрьма, знал бы чего ожидать. – Подумал Манфред, принимая сидячее положение на простой солдатской кровати. – А так, остаётся только делать предположения, кому и зачем понадобилось держать меня в этой клетке».

Егермайстер взял в руки лежавшую возле кровати сумку с финансовыми документами, бегло просмотрел бумаги. Вроде бы ничего не исчезло, но ручаться за это было нельзя. Отсутствие одной единственной бумажки могло сильно повлиять на итоговую сумму расходов. Стараюсь не задеть головой каменный свод, он поднялся на ноги, привычным движением одёрнул мундир и почувствовал, что в его одежде больше беспорядка, чем могло остаться после переноски бесчувственного тела.

«Интересно, что они хотели найти при обыске? Скрытое оружие? Потайной карман с компрометирующими меня записями? Как же я так ухитрился впасть в немилость, да ещё и не заметил этого? Гадать бесполезно... Придётся ждать допроса».

В голову сразу же полезли не самые радостные мысли о том, что от него решили втихую избавиться, и единственный вопрос, который зададут, будет о последнем желании перед казнью. Об этом не хотелось думать, и не только потому, что Манфред дорожил собственной жизнью. Он был уверен, что в глазах вышестоящих особ также представляет собой немалую ценность. Не могло такого случиться, чтобы с ним решили расправиться без предъявления обвинений и тщательного расследования. Если только...

«Если только речь не идёт о дворцовом перевороте. В случае его успешного завершения, несдобровать всем приближённым герцога Кэссиана, включая меня. Если переворот не удался, то власти будут выявлять тех, кто поддерживал заговорщиков, или же им сочувствовал. Значит, предстоят массовые аресты, и сидеть мне здесь ещё долго. Возможен любой вариант развития событий, включая допросы с пристрастием или очные ставки с другими подозреваемыми».

Услышав шум приближающихся шагов, Манфред приготовился к самому худшему. В сопровождении личной охраны, к месту заточения егермайстера приближался граф Фридрих. Он сам открыл замок, распахнул дверь и вошёл в клетку. Жестом отпустил телохранителей, после чего обратился к узнику:

– Добрый вечер, господин егермайстер.

– Уже вечер? – Невольно вырвалось у Манфреда, который никак не мог отвести взгляд от незапертой двери.

– Да. Вы спали сном младенца, и мы не стали вас будить. Присаживайтесь на кровать, – предложил граф, – а то здесь только один табурет.

– Протоколировать допрос никто не будет? – Насторожился Манфред.

– Это не допрос, господин егермайстер. Примите извинения за те неприятные моменты, которые пришлось вам пережить. Представляю, что вы подумали, когда открыли глаза. Последнее время в Энгельбруке активизировалась шпионская сеть, работающая в пользу Остгрэнца. Завербованные ими люди наводнили город и проникли даже в дворцовые покои. Не осталось места, где бы можно было вести приватную беседу, не опасаясь ушей наших врагов. Мы с вами сейчас в дворцовых катакомбах, здесь пока ещё безопасно.

– Я так понимаю, что меня сюда определили не только в целях сохранения секретных сведений. Заодно вы выяснили, не шпионит ли кто, персонально за мной.

– Совершенно верно, господин егермайстер, – подтвердил Фридрих. – Времена сейчас такие, что мы вынуждены сомневаться даже в самых преданных слугах его светлости. Пришлось также подвергнуть вас личному досмотру. За это приношу отдельное извинение. Проверка показала, что мы по-прежнему можем вам доверять.

– Спасибо. – Сказал Манфред, который только после этих слов почувствовал, как начало спадать его внутреннее напряжение.

– Это я должен благодарить вас за безупречную службу, господин егермайстер. Такие люди, как вы – опора Западного герцогства. Теперь, давайте поговорим о насущных пробле-

мах. Вызывает беспокойство осуществляемый в Озёрном замке проект. Вы готовы ввести меня в курс дел?

– Да, ваше сиятельство, – ответил окончательно пришедший в себя Манфред, – на данном этапе проведена реконструкция старого тюремного комплекса с учётом особенностей содержания демонов. Строительство завершено в короткие сроки, претензий к исполнителям у меня нет. К сожалению, первоначальная смета на реконструкцию Озёрного замка была превышена.

– Намного?

– На двенадцать процентов. – Ответил Манфред, округливший число до целых, в большую сторону. – В этой папке все финансовые документы.

Граф нахмурился, но, по мере просмотра бумаг, морщины на его лице постепенно исчезали и когда он закончил, то посмотрел на собеседника с нескрываемым весельем:

– Судя по вашему виду, господин егермайстер, дырка в финансовом отчёте изрядно портит вам нервы.

– По-другому и быть не могло, ваше сиятельство.

– Прохладно здесь, – пробормотал граф и одним движением вывалил содержимое папки на каменный пол. Выйдя из клетки, он вынул из настенного держателя факел и вернулся с ним на своё место.

– Простите, ваше сиятельство, – произнёс догадавшийся о том, что сейчас должно произойти, Манфред. – Осмелюсь напомнить, что казначей его светлости ещё не видел этих документов.

– И не увидит, – беспечно сказал Фридхелм, поднося пламя к вороху бумаги. – Если кто-либо спросит у вас о судьбе отчёта, можете с чистой совестью ответить, что его у вас принял я. Так, собственно и произошло. Меня не слишком интересует, сколько досок, гвоздей и прочей чепухи было израсходовано в процессе строительства и по каким причинам пришлось превысить смету. Я знаю, что вы не из тех, кто наполняет собственный карман за счёт казённых денег, и эта истина в доказательствах не нуждается. Всё, будем считать, что с этого момента мы оба перестали вспоминать о перерасходе средств. Не знаю, насколько быстро забудете вы, а мне в этом поможет отвратительная память на цифры.

– Насчёт отвратительной памяти, вы, конечно пошутили?

– Мне каждый день приходится иметь дело с таким количеством разнообразных сведений, что пришлось научиться выборочно запоминать только самое необходимое. А теперь, господин егермайстер, когда мешающие вам собраться с мыслями бумажки превратились в прах, давайте поговорим о состоянии дел в Озёрном замке.

– Давайте, – вздохнул Манфред, с трудом, заставивший себя отвести взгляд от груды пепла. – Могу я сначала задать вам вопрос?

– Разумеется.

– Насколько подробные сведения вы получили от ваших агентов в моём ведомстве?

– Агенты действительно есть, – не стал отрицать граф, – но они заняты обеспечением секретности проекта, а не слежкой за ходом его выполнения. Никакие подробности мне не известны.

– Тогда что заставило вас беспокоиться?

– Это далеко не первый масштабный проект, который мне приходится курировать. – Улыбнулся Фридхелм, но взгляд его при этом остался серьёзным. – Я привык постоянно получать докладные записки с просьбой о выделении сверхнормативных ресурсов. Обычно просили деньги, оружие, снаряжение, лошадей. Каждый раз к докладной прикладывалось подробно составленное обоснование, убедительно доказывающее необходимость привлечения дополнительных средств. На моей памяти, вы – единственный человек, ни разу и ничего не попросивший. Учитывая вашу честность, это и заставляет думать, что дела идут неважно.

– Вы правы, ваше сиятельство, – снова вздохнул Манфред. – Мы бы рады были что-нибудь от вас получить, если бы знали, что это поможет.

– Перед вами поставлена очень сложная задача. Настолько сложная, что искать пути её решения приходится вслепую, не опираясь на ранее накопленный опыт. Вы сами мучительно и трудно создаёте этот опыт. Неудачи нельзя расценивать, как поражение. Они обозначают направления, по которым следовать не нужно.

– Спасибо за поддержку, ваше сиятельство. Но вы же знаете, что существуют конкретные сроки завершения проекта.

– Знаю, – кивнул Фридхелм, – и понимаю, что это отравляет вам жизнь. В своё время я говорил другим кураторам, что навязывание сроков губительно скажется на результатах, но мне не удалось отстоять свою точку зрения. Потому я и пригласил вас для беседы, господин егермайстер. Расскажите о проблемах, и мы вместе попробуем поискать выход из тупиковой ситуации.

– Основная проблема состоит в том, что люди боятся демонов и не желают иметь с ними ничего общего. С начала осуществления проекта «Напарник» состоялось всего три полноценных контакта, в результате которых смогли образоваться устойчивые пары человек-демон.

– Уже неплохо. – Отметил Фридхелм. – Есть материал для исследований.

– Был. – Мрачно произнёс Манфред. – Эти люди не представляли, что их ждет, и не были готовы к взаимодействию с демонами. Никто из тех троих не смог толком описать свои ощущения, хотя мы убеждали их это сделать. Поведение людей начало быстро меняться в худшую сторону. Доктор отмечал у них угнетённое состояние духа вкупе с избыточной нервозностью. Через некоторое время они совсем перестали воспринимать приказы от своих начальников. Завершилось всё печально. Один из них покончил с собой, вспоров шею острым осколком камня. Помню, как перед смертью он кричал: «Вытащите его из моей головы!». Ещё двое вызывающими действиями спровоцировали охрану на применение оружия. Я лично расследовал этот инцидент, и пришёл к выводу, что охранники не нарушили инструкций по обеспечению безопасности Озёрного замка. Демонов, которые остались без напарников, мы решили снова задействовать в проекте, подыскав для них других людей. Теплилась надежда, что имеющие опыт общения с человеком демоны станут более послушными. Вышло ещё хуже, чем в первый раз. Контакты состоялись, но люди сошли с ума в течение одного дня. Могу предположить, что это произошло под влиянием демонов, стремившихся вырваться на свободу. В результате, три человека и два демона были уничтожены при попытке к бегству.

– Куда уж печальнее, – подытожил Фридхелм.

– Да... С тех пор нас преследуют неудачи. Практически все они связаны именно с людьми, у которых страх перед демонами возрос до небывалых размеров. Стали распространяться разные слухи, один нелепее другого. Бороться с этим невозможно. Руководству Озёрного замка никто не склонен верить.

– Может быть, задействовать других людей? Свежих, если можно так выразиться.

– У нас возникла та же идея. Несколько вновь прибывших решили поселить отдельно, чтобы они не могли общаться со старожилками. Попробовали сблизить их с демонами, ничего заранее не объясняя. Застигнутые врасплох люди запаниковали так, что это свело на нет все попытки установления контакта. Постепенно мы пришли к выводу, что человека нужно подготовить к встрече с демоном, и в тоже время, он не должен испытывать страха.

– А вы не пробовали немного подпоить ваших людей, чтобы они перестали бояться? – Спросил граф. – Такой вариант напрашивается сам собой.

– Пробовали. Тогда к ним переставали проявлять интерес демоны.

– Работа проделана громадная, господин егермайстер. Признаться, я не ожидал услышать столько подробностей. У вас не возникала мысль, что задача не имеет решения?

– То, что мы терпим неудачу за неудачей, ещё не означает, что проект «Напарник» обречён на провал. Нам просто нужно больше времени. Если бы вы взяли на себя труд донести мою просьбу до остальных кураторов...

– На чём основана ваша уверенность в том, что с демоном можно наладить контакт без риска самому потерять рассудок?

– Я ранее докладывал вашему сиятельству об охотнике по имени Копаящая Собака. Ему удавалось...

– Единичный случай. – Прервал его Фридхелм. – Трудно выводить из него закономерность, тем более, образ мыслей детей леса значительно отличается от нашего. Сделаем так, господин егермайстер. Забудьте пока о том, что перед вами поставлена задача по созданию особого рода войск для армии его светлости. Вместо того чтобы в спешном порядке готовить новых солдат, ограничьте круг исследований. Постарайтесь создать хотя бы одну стабильную пару из человека и демона, в которой человек сохранит душевное здоровье, а демона можно будет контролировать. Очень важно задокументировать все подробности, чтобы на этой основе создать инструкцию для массового применения. Если всё получится, то я вам обещаю, что сроки будут пересмотрены. В противном случае, проект «Напарник» придётся закрыть.

– Я понял, ваше сиятельство. – Решив не заканчивать разговор на минорной ноте, Манфред выложил свой единственный козырь. – В Озёрном замке есть перспективный человек, который, как никто другой подходит для того, чтобы успешно контактировать с демоном.

– Почему вы не задействовали его раньше?

– Он был не здоров. Поступил из лазарета перед самым моим отъездом в Энгельбрук.

– Больше надеяться не на кого?

– Боюсь, что да.

– От одного человека зависит судьба тысяч людей, а он об этом даже не подозревает, – задумчиво произнёс Фридхелм. – Предлагаю вам переночевать здесь, господин егермайстер. Мои люди распространили слух, что вы спешно покинули дворец, поэтому не стоит там появляться в ближайшее время. Утром вас выведут через катакомбы наружу. Ужин доставят прямо сюда. Сегодня поварам его светлости особенно удался фаршированный кабаньим бок. К нему будет подано любое вино на ваш выбор. Есть ли у вас какие-либо пожелания?

– Нет, ваше сиятельство.

– Тогда, спокойной ночи, господин егермайстер. – Граф вышел из клетки, сделал пару шагов и остановился. – Чуть не забыл. Вы как-то упоминали о некоем артефакте, принадлежавшем таинственным людям, которые по неподтверждённым данным живут в Диком лесу. У нас появилась возможность хорошенько его исследовать. Пришлите артефакт мне, как только сможете.

Глава 3

Дигахали никогда не приходилось так долго находиться среди белых людей. Одно дело – общаться с шумными, вечно куда-то спешащими йонейга, и совсем другое – жить рядом с ними. Лишившись привычного для себя уклада жизни, он почувствовал, что перестаёт быть охотником из племени Куницы. Отпала необходимость добывать себе пищу, зарабатывать для приобретения необходимых припасов и оружия. Первое время Дигахали боялся, что постепенно превращается в йонейга, и ему приходилось напоминать себе, что он другой, что он – дитя леса, вынужденный покинуть свой дом. Из дня в день, глядя на лица белых людей, охотник снова и снова повторял про себя эту фразу и был уверен, что только поэтому не сошёл с ума.

Дигахали никто насильно не удерживал, он имел возможность уйти в любой момент, о чём не раз говорил старший среди йонейга, по имени Манфред. Охотник не стал объяснять, почему не мог так поступить. На то было две причины, и каждая из них, будто ловчая петля крепко держала Дигахали, не позволяя покинуть йонейга. Если бы напрямую спросили, какая из причин важнее, то вряд ли бы он ответил однозначно.

Первая причина состояла в том, что охотник ничем не мог отплатить белым людям, которые спасли его и не стали ничего просить взамен. Традиции племени не позволяли просто сказать «спасибо» и отправиться домой. Воспитанный человек обязан предложить спасителю своё самое ценное имущество. Потеряв всё снаряжение в мёртвом лесу, Дигахали был согласен выполнять любую работу, лишь бы рассчитаться с долгом, но поступило предложение остаться среди йонейга и помочь им лучше узнать Ссгина.

Помня о том, с каким вниманием Манфред слушал рассказ о его недолгой дружбе со Злым Духом, Дигахали догадался, какое значение имеют эти знания для йонейга. Они хотели перенять его опыт общения со Ссгина, и это было самым ценным, чем он в данный момент обладал. Никогда в жизни никого не учившему охотнику польстило такое предложение, но, соглашаясь, он не осознавал, с какими трудностями столкнётся в чужом для себя обществе.

Другая причина никак не была связана с чувством долга. Не имея возможности выкупить Авиосди у её нынешнего мужа, Дигахали не хотел возвращаться в родное племя. Гордость не позволяла ему прийти туда, словно побитая собака с поджатым хвостом, и просить позволения остаться. По его виду любой догадается, что перед ними жалкий неудачник, который потерял всё, что имел и ничего не смог заработать. Скорее всего, Дигахали позволили бы остаться, ведь, его никто не изгонял. Он сам покинул Куниц, которые только обрадовались избавлению от нежелательного соплеменника, несущего на себе давний позор матери.

Возвращение в племя могло состояться только в том случае, если бы Дигахали предстал перед ними в качестве человека, победившего несчастливую судьбу. Для этого нужно выглядеть наряднее всех, обладать самым лучшим оружием и одаривать подарками всех без разбора. Тогда соплеменники поймут, что Дигахали умилился Духов Предков, которые даровали своё прощение и теперь ему ничего не мешает стать уважаемым человеком.

Со временем спокойная сытая жизнь среди йонейга пришлась охотнику по вкусу. Он ни перед кем не отчитывался, ходил, где ему вздумается, имел возможность готовить для себя сам и научил повара белых людей премудростям кухни детей леса. С остальными йонейга Дигахали держался независимо, имел дело только с Манфредом, не требовавшим от охотника ничего, кроме советов по содержанию демонов. Зачем белым людям понадобилось сводить вместе своих сородичей и Злых духов, Дигахали спрашивать не стал.

Пытаясь понять некоторые особенности поведения йонейга, он убедился, что они не всегда могут дать вразумительное объяснение тем или иным поступкам. Если жизнь детей леса

подчинялась простым и понятным правилам, которые любой запоминал с детства, то многие обычаи белых людей представлялись чем-то совершенно непостижимым. Дигахали никогда не задавался целью стать своим среди йонейга, поэтому перестал обращать внимание на их причуды.

Общаясь в основном с Манфредом, охотник научился чувствовать его настроение по взгляду и тончайшим оттенкам голоса. Уезжая в город для встречи с «большими людьми», старший проявлял признаки беспокойства. Дигахали показалось, что Манфреду не давало покоя чувство вины, заставлявшее его нервничать по любому поводу. Охотник отказался от предложения ехать в город вместе со старшим.

Однажды он уже побывал в этом месте, где йонейга было больше, чем пчёл в дуплистом дереве. Городские жители очень громко между собой разговаривали, телеги грохотали колёсами по камням, с высоких домов время от времени доносился протяжный металлический звон. В ушах привыкшего слушать звуки леса Дигахали стоял несмолкаемый гул, и больше одного дня ему выдержать в городе не удалось.

– Пойду охотиться, – объяснил он Манфреду нежелание сопровождать его в поездке. – Лес позвал меня.

Охотник привык разговаривать с ним на своём родном языке. С помощью корявых оборотов речи белых людей было трудно рассказывать о Злых духах всё, что он знал. Манфред и раньше неплохо понимал язык племени Куницы, а пообщавшись с Дигахали, научился на нём сносно говорить.

– Хорошо, – согласился старший. – Заодно проверь, как охраняются подступы к болоту. Я не слишком надеюсь на бдительность белых воинов.

– Они плохие дозорные. – Подтвердил Дигахали. – Ленивы. Любят спать. Не хотят смотреть и слушать.

– Я и сам это знаю, – махнул рукой Манфред. – Пытался рассказать об этом в городе, где живут наши вожди, когда приезжал туда в прошлый раз. Мне ответили, что с целью соблюдения тайны объявлено, будто отряд воинов расположился здесь на отдых. Посты выставлены только для охраны полевых лагерей, как того требует обычай. Дозорным не объясняли, что они служат нам заслоном от нежелательных прохожих. Даже старший среди воинов не посвящён в секрет Озёрного замка. Мы сами ничего не можем требовать от этих людей. Пройди вдоль их передовых постов, Роющий Пёс и посмотри, нет ли там серьёзных прорех, сквозь которые возможно проникновение на болота.

– Сделаю. – Пообещал Дигахали.

Задание виделось несложным и совпадало с желаниями охотника, периодически устраивавшего себе лесные прогулки. Обычно он уходил из замка на пару дней в лес, где с удовольствием ночевал под открытым небом у костра. Иногда и вправду охотился, главным образом для того, чтобы не растерять навыков. Это приходилось делать с помощью лука, каким пользуются йонейга, предпочитавшие создавать избыточно мощное оружие, из-за чего оно требовало больших усилий при натяжении тетивы.

С точки зрения детей леса такой лук был плохо приспособлен для охоты. В некоторых случаях прицеливание отнимало много времени, поэтому излишняя нагрузка на мышцы рук снижала точность. Впервые опробовав лук работы йонейга, Дигахали долго удивлялся, пока не увидел, как оружие используют белые люди. Учитывая то, как они шумят при ходьбе по лесу, подкрасться к добыче на верный выстрел им никогда не удаётся. Стрельба всегда ведётся с предельной дистанции, по силуэту, и о том, что нужно выцеливать убойное место зверя, никто даже не думает. Дети леса способны с одной стрелы свалить добычу, а йонейга очень часто оставляют подранков. По мнению Дигахали, так поступают только неумелые охотники, но белые люди находят особую прелесть в том, чтобы с радостными криками гоняться по лесу за раненым животным.

В этот раз Дигахали не взял с собой лук ещё и потому, что собирался немного подразнить часовых, которые вполне могли, не раздумывая, выстрелить по вооружённому человеку. С собой у охотника был только подарок Манфреда – большой острый нож. Совсем недавно, двигаясь вверх по течению небольшой речки, Дигахали обнаружил тихую заводь, где, по всем признакам, должна водиться крупная рыба. Сегодня до наступления темноты он собирался добраться до этого места, чтобы рано утром выйти на берег с острогой.

Помня о данном старшему обещании, охотник не стал задерживаться в замке, решив сразу же пробежаться вдоль армейских сторожевых постов. Он так уже делал, когда военные лагеря только-только появились здесь, широкой дугой перекрыв все удобные подходы к болоту. Поначалу часовые добросовестно несли службу, замечая Дигахали с приличного расстояния. Разумеется, они не знали, что охотник намеренно давал себя обнаружить, чтобы проверить их бдительность.

Результат проверки удовлетворил Манфреда, но спустя некоторое время он отправил Дигахали с тем же заданием, и тогда выяснилось, что внимание часовых притупилось. В тот же день старший направил в город посыльного с письмом, где требовал усилить охрану полевых лагерей. Сегодня охотнику предстояло узнать, изменилось с тех пор что-нибудь, или нет.

Зная расположение сторожевых постов, Дигахали начал с подсчёта выставленных часовых. Вскоре он понял, что распоряжение «больших людей» дошло до командира воинской части, и расстояние между постами сократилось. Это не помешало охотнику пару раз скрытно пересечь охраняемый рубеж, но простому йонейга не удалось бы такое проверить.

«Старший может быть спокоен. – Подумал Дигахали. – Никто не попадёт на болота незамеченным. У белых людей есть интересное качество – брать числом в тех случаях, когда у них отсутствуют присущие детям леса навыки».

Охотник убедился, что часовых стало больше, поэтому счёл эту часть задания выполненной. Кратчайший путь до речки пересекался с охраняемым рубежом, сквозь который требовалось проникнуть ещё раз. Не видя никакой сложности, Дигахали бесшумно прокрался за спиной зевавшего от скуки часового. Решив проверить, насколько быстро этот белый успеет среагировать на его появление, охотник внезапно высунулся перед ним из кустов, тут же спрятавшись обратно.

Йонейга поперхнулся очередным зевком, вытаращил глаза, но вместо того, чтобы схватиться за оружие, принялся тыкать пальцами правой руки в лоб, живот и середину груди. Дигахали так и не дождался от него каких-либо осмысленных действий, которые должен был совершить находящийся на посту караульный. Презрительно дёрнув носом, охотник крадучись двинулся к следующему сторожевому посту.

Там ещё раз пришлось убедиться, что первоначальные выводы о непреодолимости охраняемого рубежа неверны. Возле врытого в землю обрубка дерева, отмечавшего место, где должен все время находиться часовой, никого не было. Его расположение выдали звуки, доносившиеся со стороны поросшей высокой травой поляны. Дигахали выбрал подходящее дерево, вскарабкался на высоту трёх человеческих ростов и выглянул из-за толстого ствола.

На небольшом участке сильно примятой травы находились двое белых людей: ушедший с поста часовой и какая-то женщина. Чем они там занимались, можно было догадаться по задранному подолу женского платья и спущенным до колен штанам мужчины. Охотник застал йонейга в тот момент, когда их любовные игры уже завершились. Часовой натягивал на себя штаны, а женщина поднималась с лежавшего на траве плаща и поправляла одежду.

«Должно быть, этот мужчина совсем никчёмный любовник, – подумал Дигахали, – у женщины такое лицо, как будто наслаждение она не испытала. Любимому человеку так не улыбаются. Мыслями женщина сейчас очень далеко от этого места. Она думает совсем о другом мужчине. Её можно понять. Тот, кто проявил себя, как никудышный караульный, едва ли хорош

в чём-нибудь ещё. Пока он развлекался с женщиной, мимо его поста мог пройти целый отряд. Следующий часовой имеет возможность просматривать это место, но тревогу не поднял, значит, не увидел исчезновения своего соседа. Излечить йонейга от беспечности способна только настоящая беда».

Не дожидаясь, когда часовой вернётся на пост, охотник спустился с дерева и продолжил двигаться прежним маршрутом. Попавшиеся на глаза следы конских копыт он изучил с особой тщательностью.

Однажды дежурившие на стенах замка наблюдатели доложили Манфреду о каком-то всаднике, замеченном на краю болота. К замку он проехать не пытался, но, судя по поведению, искал обходной путь через топь мимо основной дороги. Больше ничего вразумительного наблюдатели не сказали, поэтому старший попросил Дигахали разыскать таинственного всадника. Охотник поднялся на стену замка, чтобы узнать, в какой стороне его видели и был удивлён зоркости йонейга, сумевших на таком расстоянии разглядеть лошадь и человека.

Затем Дигахали отправился на край болота для изучения отпечатков копыт, но в тот день в окрестностях замка появилась войсковая часть, и принадлежавший ей табун лошадей уже проследовал на водопой в том же направлении. Дигахали вернулся ни с чем, а старший отправил в город письмо с требованием убрать военных подальше от болота. Войсковая часть сменила позицию, перестав водить своих лошадей на водопой в пределах видимости со стен замка. После этого наблюдатели всего один раз видели появление неопознанного всадника, но Манфред не придал этому большого значения, потому что заметили всадника только двое из пяти наблюдателей.

Отпечатки копыт оказались неглубокими, из чего Дигахали заключил, что лошадь не несла на спине человека. Скорее всего, животное было предоставлено само себе, и переходило с места на место в поисках корма, останавливаясь только там, где трава росла гуще и сочнее. Охотнику раньше приходилось видеть отпечатки разнообразных подков, и он был уверен, что эти подковы – армейского образца.

«Лошадь отбилась от табуна, – решил Дигахали. – Бестолковые йонейга до сих пор не могут её найти. Как у них, получается, ладить с лошадьми при таком скудном запасе знаний об их повадках?».

На всякий случай охотник прошёл вдоль отпечатков копыт в обратном направлении и заметил вдалеке палатки армейского лагеря. В другое время Дигахали мог бы предложить военным свои услуги по поиску и поимке лошади, но сейчас не нуждался в дополнительном заработке. Охотник оставил след, развернулся и скорым шагом направился в сторону речки. У него ещё оставалась призрачная надежда достигнуть заводи до наступления темноты.

Дигахали с детства обожал ловлю рыбы при помощи простой деревянной остроги. Не каждый мог освоить это занятие, требовавшее терпения, осторожности и хорошего глазомера. Охотник разделся, прежде чем зайти в воду, долго наблюдал за её поверхностью, замечая малейшую рябь и колыхание водяных растений. Возле лежавшей на дне коряги неподвижно стояли несколько хищных рыб. Они ждали, когда на мелководье выйдут кормиться стайки рыбки мелочи. Тогда рыбины сорвутся с места и бросятся вперёд, хватая острыми зубами зазевавшихся мальков.

Над горами ещё не взошло солнце, поэтому Дигахали не опасался, что его тень может спугнуть затаившихся в воде хищников. Тщательно выверяя каждое движение, охотник зашёл в воду. Он перемещался настолько медленно, что приближения человека рыбины не почувствовали. Дигахали выбрал самую большую из них, сделал поправку на то, что вода искажает расстояние до цели и ударил рыбину острогой. Заточенный кончик легко пробил добычу насквозь, и в воде стало расплываться мутное кровавое облачко.

Смертельно раненый хищник вздрогнул всем телом, рванулся в сторону, пытаясь бороться за жизнь. Соскользнуть с остроги рыбине не позволил расщеплённый участок древка возле острия, отогнутый вбок и закреплённый небольшим клинышком. Дигахали сделал обратное движение острогой, вытягивая добычу из воды. Рыбина схватила открытым ртом чуждый ей воздух, забилась сильнее, роняя в воду алые капли, словно плакала кровавыми слезами, прощаясь с родным домом.

Прекращая мучения добычи, охотник ловким движением сломал рыбине позвоночник позади головы и побрёл к берегу. Скоро наступит рассвет, нужно ещё пропеть гимн восходящему солнцу. Живя среди белых людей, Дигахали не мог делать этого ежедневно, лишь во время ночёвок в лесу он поддерживал семейную традицию. Духам Предков охотник преподнёс голову речного хищника, установив её в развилке ветвей так, чтобы зубастая пасть была обращена к западу.

Дигахали подавил искушение выдернуть из рыбьей пасти язык и вскрыть крышку черепа, чтобы добраться до нежнейшего мозга. Предкам должны достаться самые лучшие части рыбины, иначе они могли обидеться на неблагодарного охотника, не пожелавшего честно поделиться добычей. Так с ним уже случалось, но с тех пор Дигахали твёрдо усвоил урок и больше не позволял себе проявлять жадность.

Охотник разделал рыбину, на мгновение задумался, как её приготовить и не стал раздувать тлевшие под слоем пепла угли костра. Трудно найти что-либо вкуснее свежепойманной рыбы, слегка приправленной ароматными травами и несколькими крупинками соли. Последнее было следствием влияния йонейга, обильно соливших всю приготавливаемую ими еду. Такая пища вызывала жажду, которую белые люди утоляли, поглощая невероятное количество аджила разной степени крепости. Дигахали научился присаливать пищу очень экономно, что только подчёркивало её природный вкус и не заставляло организм нуждаться в избыточном потреблении воды.

Понаблюдав немного за резвящимися на мелководье рыбёшками, охотник стал готовиться к возвращению в замок. Острогу оставил возле кострища, возможно она пригодится другому путнику, который захочет сделать остановку возле тихой речной заводи. Без всякой спешки Дигахали двинулся в обратный путь, намереваясь к полудню достичь охраняемого военными рубежа. Он хорошо отдохнул за неполные два дня и пребывал сейчас в отличном расположении духа. Охотник немного жалел о том, что ему придётся сообщать Манфреду плохие новости. Впрочем, для старшего, известие о нерадивости часовых не должно было оказаться сюрпризом. Он прекрасно знал, чего стоят его соплеменники, если нет возможности заставить их хорошо выполнять работу.

Пройдя линию сторожевых постов, Дигахали снова заметил отпечатки лошадиных копыт, на этот раз свежие. Хорошо знакомые следы вели в сторону болота. В этом не было ничего удивительного, ведь там находился ближайший источник воды, но охотник заметил у этих следов некоторое различие с теми, которые он видел накануне. Лошадь передвигалась шагом, ни на что, не отвлекаясь, как будто ею кто-то управлял. Дигахали долго изучал отпечатки, но не смог с уверенностью сказать, что на их глубину повлиял дополнительный вес всадника. Но следы указывали, что животное не блуждало бесцельно, а шло в заданном направлении. Охотник прекрасно знал, какими растениями особенно любят питаться лошади. Находясь на свободном выпасе, они ни за что их не пропустят, но вдоль следа остались нетронутыми несколько зелёных сочных кустиков.

Следы довели Дигахали до небольшого ручейка, который тёк в сторону болота. Здесь лошадь остановилась, чтобы напиться. Почва возле ручейка глубоко напиталась влагой, и следы в этом месте были видны отчётливо. Охотник взгляделся в отпечатки подков на передних ногах животного и прищёлкнул языком в знак того, что разгадал эту загадку. Теперь он

мог с уверенностью сказать, что лошадь действительно несла на себе седока. В подозрительной близости к замку оказался всадник, который долго путал следы, прежде чем проникнуть на охраняемую территорию. Люди с добрыми намерениями так не поступают.

Вернувшийся к вечеру Манфред с хмурым видом выслушал Дигахали, после чего вызвал к себе всех наблюдателей. Пока старший с ними беседовал, охотник смотрел из окна на заходящее солнце. Он не считал для себя нужным изучать наречие, на котором Манфред общался с соплеменниками. Когда было необходимо, старший обязательно пересказывал ему содержание разговоров. Так случилось и на этот раз.

– Сегодня наблюдатели снова заметили всадника на краю болота и смогли лучше его разглядеть. Идвиг – самый опытный из них – склоняется к мысли, что в прошлые разы они видели ту же самую лошадь, только без наездника. Что ты думаешь по этому поводу?

– Этот всадник очень хитёр. Он заставил бродить здесь свою лошадь, чтобы нас запутать, а сам проник через линию сторожевых постов только сегодня.

– Хуже всего то, что он может оказаться кем угодно. – Манфред устало вздохнул и стал нервно тереть лоб ладонью. – Например, человеком Фридхелма, отправленным сюда с тайным заданием, в подробности которого меня никто не соизволил посвятить. Совет вождей Энгельбрука вполне способен прислать очередного дознавателя. Говорят, в городе полно лазутчиков из Остгрэнца. Не удивлюсь, если кто-нибудь из них проявил интерес к Озёрному замку.

– Всадника можно выследить, – намекнул Дигахали, – а потом изловить и допросить.

– Нет. – Сразу же отказался старший. – Если вмешаться не в своё дело, то можно легко поставить под угрозу собственную жизнь и то, чем мы здесь занимаемся. Я не могу этого допустить. Дадим всаднику возможность проявить свои намерения, тогда и поймём, с кем имеем дело.

Глава 4

– Эй, новенький! – Кто-то резко дёрнул засов на двери камеры Ладвига. – Обеденное время! Выметайся из камеры! Пошевеливайся!

Сержант вышел из помещения и нос к носу столкнулся с упитанным субъектом, поигрывавшим металлическим кольцом с надетыми на него тремя ключами разного размера. Не нужно быть ясновидящим, чтобы догадаться, какую должность он здесь занимал. Ладвиг повидал не так уж много мест лишения свободы, но хорошо усвоил, какие типы обычно нанимаются в тюремщики.

– Сейчас пойдёшь налево по коридору в сторону обеденного зала, – заученной скороговоркой произнёс надзиратель. – Там встретят, накормят и напойт. Лекарь тебя уже осматривал?

– Я только что из лазарета.

– Тем лучше. Не забудь руки вымыть, прежде чем за стол сядешь.

– С чего такая забота?

– А с того, что медицинский осмотр один раз в декаду. Если вдруг у тебя живот прихватит, придётся терпеть. По таким пустякам я доктора беспокоить не стану.

В коридоре никого не было, хотя остальные двери оказались распахнуты настежь. Внутри камер взгляду сержанта открылась точно такая же обстановка. Скромно и без излишеств.

– Поторапливайся! – Крикнул вдогонку Ладвигу надзиратель. – Нечего в открытые двери заглядывать! У нас здесь этого не любят!

Коридор заканчивался металлической решётчатой дверью из толстых прутьев. Около неё стояли два человека в мундирах егерской службы.

– Обеденный зал здесь? – Спросил сержант, разглядывая висевший в ярде над полом большой жестяной кувшин.

– А-а, новый постоялец! – Откликнулся один из егерей. – Подставляй руки.

Он отошёл в сторону, и Ладвиг увидел в полу дыру, из которой тянуло сыростью. Егерь потянул за верёвку, заставив кувшин наклониться. Поймав ладонями струйку горячей воды, сержант ополоснул руки, и уже хотел просто стряхнуть с ладоней капли, когда второй егерь достал из корзины сухую чистую тряпицу и протянул ему.

– С каких это пор заключённых принято называть постояльцами? – Задал вопрос Ладвиг. – Или у вас здесь особенная тюрьма?

– Ты не умничай, – посоветовал ему заведовавший кувшином егерь, – как начальство решит, так и будете называться. Захочет назвать енотами, будете енотами. А пока что все вы тут считаетесь постояльцами.

– И не зря. – Добавил раздававший полотенца егерь. – Житуха не хуже, чем в офицерском госпитале. Можешь мне поверить. Два длинных сезона я там службу нёс.

Вытирая ладони, сержант рылся в памяти, пытаясь понять, почему лицо второго егеря кажется ему знакомым. Передавая назад тряпицу, Ладвиг всё-таки его вспомнил и спросил:

– Вы меня не узнаете?

Пожилый служака окинул его взглядом, озадаченно нахмурился, затем пожал плечами:

– Всех вас не упомнишь. Когда прибыл? Один, или группой конвоировали?

– Короткий сезон тому назад, или около того, вы меня встречали на въезде в замок.

– Я на том посту через три дня на четвёртый дежурю. – Махнул рукой егерь. – Один день на другой похож, как яйца из-под несущки, все беленькие и одинаковые на вид. Так сразу и не вспомнить, что было в прошлом коротком сезоне. Ежели не расскажешь, чего примечательного в тот день могло случиться, то и не вспомню.

– Меня в тот день ножом в спину пырнули. Неужто не припоминаете? Стоило зазеваться, как двое буйных тут же полезли в драку.

– Так бы сразу и сказал! – Обрадовался егерь. – Такое не забывается! Тех буйных ребятишек не сразу уговорить удалось. Пришлось дополнительный наряд стражников вызвать. А нашим парням только дай повод кулаками помахать! Уделали супостатов, повязали, и в карцер на декаду упрятали.

– Как там мой конь, не знаете? – Дрогнувшим голосом спросил Ладвиг. – Хотел бы я его проведать.

– Какой ещё конь?

– Гнедой жеребец по кличке Фитц. Вы сами сказали, что в конюшню замка его определите. Что грех, мол, такого коня на мясо пускать.

– Что-то ты путаешь, парень, – покачал головой егерь, – не было с тобой никакого жеребца.

– Не может быть! Я же на нём сюда и приехал! – Возмутился Ладвиг. – Со мной двое сопровождающих было. Офицеры Тайной Стражи без знаков различия.

– Тебя к нам городская стража доставила. – Не обращая внимания на горячность собеседника, сказал егерь. – Ты в тот день не в себе был. Меч какой-то особенный искал. Даже у меня про него спрашивал. Когда тебя ребятишки буйные порезали, я сразу за лекарем послал. Как только он в твои глаза заглянул, да на язык посмотрел, то присвистнул и говорит: «Лихорадка у сержанта. Несите в лазарет».

– Неприятная болезнь. – Вмешался другой егерь. – По себе знаю. Жар по всему телу такой, что мозги в голове закипают. Совсем ничего не соображаешь. Вокруг тебя что-то происходит, но то ли во сне, то ли наяву – ничего не понять. Ты тот день, когда в лазарет попал, помнишь?

– Нет, – подумав, ответил Ладвиг. – Плохо мне было. Очнулся где-то через декаду.

– Вот. Представляю, что ты там в бреду нёс. Сам, поди, и поверил в это.

– Так, наверное, и было... – растерянно произнёс Ладвиг. – Извините...

– Бывает. – Мирнолюбиво улыбнулся пожилой егерь. – Поторопись, с обедом. Скоро у другой смены наступит время приёма пищи.

Пройдя несколько шагов, сержант оглянулся:

– Не подскажете, где найти тех двоих... как вы их назвали? Буйных ребятишек?

– На том свете, парень. Через несколько дней после того, как их из карцера выпустили, оба умом тронулись вместе с ещё одним постояльцем. Затеяли они серьёзную потасовку с охраной периметра, а те шуток не понимают, вот и перебили всех троих.

Обеденный зал оказался светлым просторным помещением с высоким потолком, но без привычного вида окон, располагавшихся под самой крышей, из-за чего, проникавший внутрь солнечный свет рассеивался и на уровне человеческого роста глаза уже не слепил. Ладвиг успел привыкнуть к тёмной камере и слабоосвещённым коридорам, и в первый момент поразился, насколько светло в обеденном зале. Первым, что он увидел, были длинные столы, за которыми с двух сторон сидели люди.

– Чего встал? – Раздался недовольный голос с противоположного конца обеденного помещения. – Тащи сюда свою задницу!

– Первый раз человек пришёл. Не видно, что ли? – Гнусаво произнёс сидевший ближе всех к выходу мужчина и, взглянув на Ладвига, добавил: – Эй, новенький, здесь не ресторан, еду никто не принесёт!

Сержант кивнул и направился к некоему подобию барной стойки, где хозяйничал человек в белом поварском фартуке.

– Какая камера? – Спросил он тем же недовольным голосом.

– Тёмная и неудобная. – Ответил Ладвиг. – Мне там не понравилось.

Обедавшие постояльцы дружно захохотали, а лоснившееся от пота лицо повара начало покрываться багровыми пятнами.

– Шутник, или придуриваешься? – Процедил он сквозь зубы. – Отвечай, какой номер у камеры, в которую тебя поселили?

– Тридцать восемь, – не очень уверенно произнёс сержант, – кажется.

– А то ты не знаешь, Тунор, что с нашей половины, только тридцать восьмая до сегодняшнего дня и пустовала! – Послышалось со стороны выхода из обеденного зала. – Корми новенького, а то время заканчивается!

– Заткнись, Роалд! – Брызгая слюной, взвизгнул повар. – Как ты мне надоел! Обойдусь без твоих дурацких советов!

Тунор сердито посмотрел на Ладвига, с грохотом поставил на стойку глубокую миску и стал наполнять её наваристой мясной похлёбкой.

– Лопай, шутник. Хлеб вон там возьмишь.

– Сколько кусков брать? – Спросил сержант, глядя на крупно нарезанные ломти. – Я пока не знаком с местными правилами.

– Сколько в тебя поместится, столько и бери. – Повар выставил на стойку наполненную пивом кружку средних размеров. – Сразу предупреждаю: больше одной кружки не положено. Понял? Чтоб не ходил и не клячил. Всё равно не налью!

– Монастырское? – Поинтересовался Ладвиг, кивком указав на пиво.

– Да ты, действительно, шутник. Суп сначала отнеси. – Посоветовал Тунор, видя, что сержант увидел свободное место за одним из столов и уже собрался идти туда вместе с кружкой. – Пиво без присмотра я тебе не советую оставлять.

«Знатнаястряпня, – восхитился сержант, уплетая густую похлёбку, – теперь я начинаю верить, что это не тюрьма. Заключённых никто не стал бы так кормить».

Сидевший напротив Ладвига постоялец отставил в сторону пустую миску и сыто рыгнул.

– Слышь, новичок, – сказал он, ковыряя в зубах длинным ногтем на мизинце левой руки, – говорят, у начальства есть комната, куда они нескольких шлюх поселили. Ходят к ним по очереди развлекаться. Ничего про это дело не слышал?

– Нет.

– Люди рассказывали, что по ночам откуда-то сверху женский смех доносится, – с мечтательными интонациями в голосе произнёс постоялец. – Давно я не слышал этой сладкой музыки...

– Почему сверху? – Из вежливости поинтересовался Ладвиг, принимаясь за пиво.

– Все помещения для начальства находятся под самой крышей. Вход туда только через комнату отдыха охранников. У тебя какой номер камеры?

– Тридцать восемь.

– Далековато. – Разочарованно вздохнул собеседник. – По моим прикидкам, из восемнадцатой камеры лучше всего должно быть слышно. Жаль, что там Айдж живёт. Глуховат он... У тебя со слухом как? Нормально?

– Наверное, – усмехнулся сержант. – Когда нёс службу в Энгельбруке, бывало, за полсотни шагов слышал, как часовые на посту тихонько посапывают.

– Тогда наостри уши, новичок. Если что услышишь – скажи мне. Я в долгу не останусь, найду, чем отблагодарить хорошего товарища.

– И какая тебе в этом польза, Исмо? – Спросил его сосед слева. – Даже если шлюхи действительно там, то, как ты решил до них добраться?

– Когда я твёрдо буду уверен в том, что они есть, – серьёзным тоном ответил Исмо, – то найду способ, не сомневайся.

– Закончить приём пищи! – Скомандовал повар. – Посуду на столах не оставлять! Пошевеливайся, Роалд! Надо было молча челюстями работать, а не трепаться попусту.

Вместе со всеми Ладвиг встал из-за стола и направился к выходу. Решётчатая дверь в коридоре была открыта, и возле неё уже собрались постояльцы из второй смены. Первые из них закончили мыть руки и норовили пройти в обеденный зал, но на их пути стояли надзиратели, ожидавшие, пока опустеет помещение.

– Арне? – Удивлённо воскликнул сержант, увидевший среди толпившихся людей знакомое лицо.

– О! Вот уж кого не ожидал здесь увидеть! – Засмеялся бывший обитатель подземных коммуникаций Энгельбрука. – И давно вы, господин сержант, гостите в Озёрном замке?

– Формально, первый день. – Ответил Ладвиг, решив не рассказывать про историю с ранением.

– Проходи до своей камеры. – Сказал стоявший позади надзиратель. – Не создавай помеху остальным.

– Не ругайся, мы с приятелем давно не виделись. – Арне покинул очередь в обеденный зал и отошёл вместе с Ладвигом в сторону. – Я как из подземелий выбрался, сразу же пустился в загул. Оторвался по полной! Приятно вспомнить. Выпивка, девки, выпивка с девками и без девок. В кости играл столько, что на ладони отпечаток от кружки в мозоль превратился. Не помню, сколько дней проторчал в квартале красных фонарей, не выходя на улицу. И тут, на мою беду, случилась облава. Кого там стражники искали – не знаю, но нашли меня, и с опозданием больших проблем у них не возникло. Один день продержали в Энгельбруке, а потом сюда доставили. Я уже больше декады в Озёрном замке. Недавно сюда привезли ещё четверых, из тех, с кем мы вместе шалили в городе. Остальные пока на свободе. Тебя-то за что взяли? Не оправдал надежд Магистрата?

– С заданием не справился. – Неохотно признался сержант. – Сопровождал в Остгрэнц одного человека. Погиб он по собственной глупости, а меня признали виновным в том, что плохо его охранял.

– Всего-то? – Снова засмеялся Арне. – Я в своё время немало насолил городской страже. Когда поймали, думал, что сошлют на рудники до конца скончания дней. Оказался здесь и понял, что эта тюрьма не страшнее богадельни для старушек при женском монастыре. А тебе не обидно за какой-то пустяк свободой расплачиваться? Как сам считаешь?

– Человек тот важной птицей оказался. Мне сказали, что его смерть могла обострить отношения с Восточным герцогством.

– Тогда понятно. В подобных ситуациях обязательно найдут, на кого свалить всю вину. Это мне хорошо известно. Вахмистра Виланда тоже арестовали?

– Скорее всего, нет. Наши дороги разошлись. Во время последней встречи он даже пытался втолковать мне, что это задание до добра не доведёт. Я не послушал опытного человека...

– И в результате оказался в камере, – закончил фразу Арне. – Больше никого из знакомых здесь не встречал?

– Нет ещё.

– Ты удивишься, когда узнаешь, кто в Озёрном замке заведует складом с различным тряпьем.

– Каким тряпьем? – Не понял Ладвиг.

– Простыни всякие, наволочки на подушки, – стал перечислять Арне, – ещё чего-то. Помнишь хромоногую Тилло? Этот хорёк каким-то образом пролез в кладовщики и теперь живёт здесь на всём готовом, напоминая ушедшего на покой цехового мастера. Высокие у него, должно быть покровители.

– Он не из постояльцев?

– Нет! Весь из себя такой важный, будто секретарь суда. Меня как увидел, сразу такое лицо скорчил, как будто мимо него золотарь с полным ведром дерьма прошёл. Хотел бы я

понаблюдать за выражением крысиной мордочки Тилло в тот момент, когда он встретит тебя! Бьюсь об заклад, что хромоногий очень обрадуется!

Загалдели ринувшиеся в обеденный зал постояльцы. Арне на прощанье подмигнул Ладвигу и сказал:

– Не унывай, сержант! Ещё увидимся!

В камере Ладвиг обнаружил аккуратный свёрток с постельным бельём, подушку и одеяло. Все вещи были чистыми и, словно в хорошей гостинице, источали лёгкий цветочный аромат.

– Пахнут, будто постель девичья, – раздался рядом голос неслышно подошедшего надзирателя. Он стоял в дверях и, ухмыляясь, наблюдал за сержантом. – Дверь я пока открытой оставляю для проветривания, но чтобы никаких хождений по коридору. Нужду справлять можешь прямо в камере. В углу пробита дыра до канализационного стока. Неширокая, но если прицелиться, то легко попадёшь с первого раза.

Довольный собственной шуткой надзиратель захохотал и, звеня ключами, двинулся дальше по коридору. Всё это время Ладвиг снова и снова прокручивал в памяти разговор с пожилым егерем. Он хорошо помнил день, когда прибыл в Озёрный замок в сопровождении агентов Тайной Стражи герцога Кэссиана. И это было первое расхождение с рассказом егеря, утверждавшего, что нового постояльца привезла городская стража Энгельбрука. Второе расхождение касалось рапиры сержанта, которой он до того дня ни разу толком не сумел воспользоваться.

Эпизод с попыткой захвата Виланда нельзя было отнести к разряду успешных действий. Агенты не стали отбирать рапиру у Ладвига, оружие было при нём в момент прибытия, и никаких других версий здесь не предполагалось. И совсем уж нелепым казалось заявление пожилого егеря, что в тот день он не заметил никакого гнедого жеребца. Всё это выглядело в высшей степени странно, и у сержанта возникло единственное объяснение происходящему: кто-то воспользовался его беспомощным положением после полученных ран и присвоил себе коня заодно с рапирой. Ладвиг вспомнил, что следуя вместе с конвоиром в замок, проходил мимо конюшни, где содержались лошади. Видимо, жеребца там не оказалось, иначе он обязательно почувствовал бы хозяина и дал о себе знать.

«Мне бы только узнать, что с ним всё в порядке... Надеюсь, Фитц попал в хорошие руки, и нынешний хозяин способен оценить его по достоинству».

От невесёлых мыслей Ладвига оторвало лёгкое постукивание, доносившееся со стороны коридора. Звук постепенно приближался, и в тот момент, когда сержант догадался о его происхождении, перед открытой дверью камеры мелькнул хромавший на левую ногу человек с костылём в руке. Могло показаться, что человек просто шёл по своим делам, но Ладвиг заметил пару брошенных им взглядов. Один внутрь камеры, другой на выбитый над дверями номер. Помня о том, что с Тилло они расстались отнюдь не друзьями, сержант не стал его окликать.

Общение с этим неприятным субъектом в ближайшие планы не входило. Планов, как таковых, было немного, а если быть точным, то в списке фигурировал только один пункт: узнать о судьбе Фитца. Кроме этого существовало несколько недостаточно чётко оформившихся вопросов, самый первый из которых гласил: чем предстоит здесь заниматься? Туманные разговоры о новом роде войск Ладвиг пока не воспринимал всерьёз. Всё это могло оказаться отвлекающим манёвром, призванным успокоить попавших в Озёрный замок людей.

По коридору прошёл надзиратель, с грохотом закрывавший тяжёлые двери камер. Оставшись почти в полной темноте, Ладвиг разделся и лёг в постель. Глядя в потолок камеры он увидел там едва уловимый металлический отблеск, которого не замечал раньше. Свет горевшего в коридоре факела проходил через небольшое оконце и отражался в каком-то металлическом предмете на потолке. Сержант поднялся, вышел на середину камеры и вытянул руку

вверх. Пальцы нащупали переплетение толстых металлических полос, составлявших восьмиугольную решётку, размеры которой не превышали полутора ярдов по диагонали.

Поднявшись на носочки, Ладвиг просунул пальцы дальше и наткнулся на пустоту. Сводчатый каменный потолок камеры нижнего яруса служил одновременно полом камеры верхнего яруса. А теперь часть каменной кладки отсутствовала и на её месте находилась решётка. Сержант мало что смыслил в строительстве, но и его скудных познаний в этом вопросе хватило, чтобы понять – пользы от решётки никакой, а вот вреда немало. Изъятие центральных камней арочного перекрытия серьёзно нарушало прочность конструкции. Стоило решётке расшататься в своих пазах, и это могло вызвать обрушение потолка нижней камеры.

«Хорошо, что кровать у самой стены, – подумал Ладвиг, – там есть шанс выжить при обвале».

Он вернулся в постель и почти сразу же заснул. Сон был беспокойным, с беготнёй, то ли за кем-то, то ли от кого-то. В очередной раз, перепрыгивая препятствие, сержант потерял равновесие и стал падать. Казавшееся бесконечным падение разорвало путы сна, Ладвиг понял, что он действительно летит и через мгновение грохнулся на каменный пол камеры. Невидимые в темноте люди крепко схватили его за руки, рывком поставили на ноги и прижали к стене.

От неожиданного удара в солнечное сплетение перехватило дыхание, сержант раскрыл рот, и в него сразу же запихнули скомканную тряпку. Затем началось методичное избиение. Старательно лупили по корпусу, лицо предпочитали не трогать, без проявления особой жестокости, разок врезали ниже пояса. Всё происходило в полной тишине, нарушаемой только звуками ударов и шумным дыханием ночных гостей.

Сколько времени это длилось, сказать было трудно, сначала Ладвиг даже считал удары, но потом сбился. Державшие сержанта люди внезапно его отпустили, он попытался устоять на ногах и даже почти в этом преуспел, но избитое тело плохо держало равновесие. К лежавшему на полу Ладвигу склонился один из ночных гостей, вынул из его рта кляп и тихо произнёс в самое ухо:

– Думаю, ты понял, от чьего имени мы передали тебе привет. Я всего лишь выполнял поручение, и никаких личных претензий к тебе не имею. Такая работёнка мне не по душе, но времена, когда я сам был себе господином, давно прошли. Всё, что смог для тебя сделать, так это попросить ребят не усердствовать сверх меры. Спокойной ночи, сержант.

– Спокойной ночи, Арне, – выдохнул Ладвиг, когда услышал шум задвигаемого снаружи засова.

Глава 5

Когда егермайстер закончил с основными делами, был уже поздний вечер. Оставалось проконтролировать выполнение отданных ещё вчера распоряжений.

– В тридцать восьмую заселили нового постояльца? – Спросил Манфред своего помощника Адольфа.

– Да. Сегодня утром доставили в замок из лазарета. Доктор сказал, что сержант Ладвиг в полном порядке.

– Это хорошо. Можешь быть свободен.

Вместе с егермайстером в его кабинете остался только дикарь.

– У меня нет права на ошибку, Роющий Пёс, – сказал Манфред на языке племени Куницы. – Этот Ладвиг – наша последняя надежда. Если и с ним возникнут проблемы, то неприятностей мне не избежать.

– Большие люди угрожали тебе?

– Нет. Фридхелм был со мной доброжелателен и предельно вежлив. Он даже упростил мне задачу, сказав, что с демоном нужно подружить хотя бы одного человека. Если у нас и на этот раз ничего не получится, то никакого влияния графа не хватит, чтобы спастись от гнева больших людей.

– Белые люди всегда слишком торопятся.

– Здесь ты прав. Это наша отличительная черта. Я хотел с тобой посоветоваться, Роющий Пёс. Помнишь тот день, когда Ладвиг в первый раз появился в Озёрном замке?

– Да. – Кивнул дикарь. – С ним приезжали ещё двое. Одним из них был шаман белых людей.

– В тот раз Ладвиг почувствовал присутствие демонов. Я в этом уверен. Он не похож на остальных людей, которых мы здесь держим.

– Своего коня он хорошо понимает. Умеет обращаться с животными.

– Поэтому я предлагаю свести его с тем демоном, у которого уже были напарники из числа людей. – Сказал Манфред, – один такой у нас остался.

– Тот демон дважды взял верх над человеком. Заставил подчиниться своей воле. Он захочет это сделать и в третий раз. Демон убедился, что сильнее человека. Обуздать его будет трудно.

– Согласен. Но демон встретится не с обычным человеком. Если кто и сможет противостоять силе демона, так это Ладвиг. – Заметив, что дикарь сомневается, егермайстер продолжил: – В первую очередь, нам нужно выиграть время, Роющий Пёс. Как только большие люди успокоятся, нам легче будет работать. Я знаю, что танцую на горячих углях, но согласен пойти на риск.

– Чем плох обычный демон, который до этого не общался с людьми?

– Есть у меня предчувствие. Не знаю, на чём оно основано, но мне кажется, что для Ладвига не годится обычный демон. Он станет ему рабом, а не другом. Тот, кто ощущает себя рабом, никогда не проявит лучшие качества, даже если способен на это.

– Демон должен подчиняться человеку. – Не согласился дикарь. – Он считает себя сильнее, но ум человека ставит выше, чем свой. Человек для демона, как для тебя – Боги, а для меня – Духи Предков. Демон не станет уважать равного себе.

– Значит, ты предлагаешь в напарники Ладвигу дать любого из тех демонов, которых мы ещё не сводили с людьми?

– Любого. Они все кажутся мне здоровыми и сильными. Ты хочешь перевезти демона в замок уже сегодня?

– Я пока не определился. Завтра хочу сам поговорить с Ладвигом. После этого приму решение.

Утром егермайстер отправился в тридцать восьмую камеру. Ему хотелось лично переговорить с постояльцем, от которого зависела судьба проекта «Напарник».

«Похоже, на него плохо влияет здешняя обстановка, – подумал Манфред, отметивший хмурое выражение на лице Ладвига, – или раны ещё дают о себе знать».

– Как ваше здоровье, господин дознаватель?

– Нет смысла так меня называть. Мои полномочия закончились в момент ареста. По поводу здоровья можете справиться у лекаря. – Сухо ответил Ладвиг.

– К чему этот тон, господин сержант? Или вы хотите сказать, что оказались в Озёрном замке благодаря моему вмешательству? Спешу вас заверить – это не так. Когда вы гостили здесь, будучи дознавателем, то произвели на меня благоприятное впечатление. Признаться, я бы обрадовался, если бы вы добровольно присоединились к моей команде, но судьбе было угодно распорядиться по-другому. То, что вы находитесь здесь в качестве постояльца, несколько не меняет моего отношения к вам. Хотел бы видеть в вашем лице единомышленника, мне их очень не хватает, поверьте. Спрашивая о здоровье, я допустил неточность в формулировке, и вы ловко обошли этот вопрос. Хочу исправить оплошность. Как ваше самочувствие, господин сержант?

– Спасибо. – Ладвиг едва заметно улыбнулся. – Ночью меня мучила бессонница, а в целом – чувствую себя неплохо.

– Есть ли у вас какие-либо претензии к руководству Озёрного замка, или, может быть, вопросы?

– Претензий нет, – не задумываясь, произнёс Ладвиг, – а вопросы есть. Точнее, всего один. В день прибытия у меня конфисковали моего коня, гнедого жеребца по кличке Фитц. Могу ли я узнать, что с ним стало?

– Вы напрасно употребили слово «конфисковали». У нас нет права лишать вас собственности. Имущество, которое нельзя оставить при постояльцах, передаётся на временное хранение. В основном это касается денег, оружия, драгоценностей. Коня, как вы сами догадываетесь, мы в соседнюю камеру поселить не могли. Крупногабаритное имущество отправляется родственникам.

– У меня никого нет.

– В таком случае, для коня должны были подыскать место на нашей конюшне. Я просмотрю старые отчёты. В них сохраняется вся информация о собственности поступивших к нам людей.

– Спасибо.

Манфред заметил, что сержант вздохнул с облегчением. Теперь можно переходить к основной теме визита.

– Я думал, что вы зададите мне другой вопрос, – предположил егермайстер, – например, о том, что вас ждёт в будущем. Большинство постояльцев так и поступает.

– Неужели вы лично беседуете с каждым?

«Не торопитесь сержант узнать о своём будущем, – понял Манфред, – иначе ухватился бы за возможность получить ответ лично от меня. Что-то его беспокоит. Надеюсь, что виной этому не утечка информации от какого-нибудь не в меру болтливого сотрудника».

– На беседу с каждым обитателем Озёрного замка не хватит времени, – сказал егермайстер. – Кроме этого, у меня нет возможности делиться собственным опытом с постояльцами. Я имею, лишь общее представление о том, что требуется для выполнения задачи, поставленной перед нами командованием.

– Интересный у нас с вами получается разговор, господин Манфред. – Задумчиво произнёс Ладвиг. – Не знаю, зачем вам так нужно, чтобы я сам задал вопрос, который вы мне усердно навязываете.

– Вам не откажешь в проникательности, господин сержант. – Натянуто улыбнулся егермайстер, в душе коривший себя за то, что действовал слишком шаблонно. – Среди наших постояльцев преобладают люди другого склада ума. Общение с ними предполагает наличие определённой схемы, которая действует безотказно, и выходить за её рамки нам ещё не приходилось.

– Будем считать, что вопрос мною задан. Хотелось бы услышать ответ на него.

– Разговор действительно интересный, – согласился Манфред. С этого момента он решил тщательно подбирать слова, чтобы не отдавать инициативу собеседнику. – Я не рассчитывал, что он примет такой оборот. Мои первоначальные планы по поводу вас, господин сержант, начинают меняться. Я вдруг понял, что вы необходимы нам в том же самом качестве, в котором до недавнего времени несли службу.

– Вам нужен инструктор по клинковому оружию? – Удивился Ладвиг.

– Ин-струк-тор! – Раздельно проговорил егермайстер, сознательно подталкивавший сержанта к тому, чтобы он сам произнёс нужное слово. – Вы правы, нам необходим инструктор! Только не по клинковому оружию. У нас здесь другая специализация. Требуется человек, способный вникнуть во все тонкости порученного ему дела, чтобы, в дальнейшем, обучать других.

– Ясно. Тогда начинайте вводить меня в курс дела.

– Разумеется. Мне нужно немного собраться с мыслями, потому что сведения, которые я собираюсь вам рассказать, представляют собой военную тайну. Простым постояльцам сообщается, от силы пятая или шестая часть того, что вы сейчас услышите. Я возлагаю на вас очень большие надежды, поэтому буду предельно откровенен.

Ладвиг поднял руку, останавливая егермайстера, после чего сказал:

– Всё идёт к тому, что у меня не будет возможности отказаться.

– Вы можете отказаться стать инструктором, просто лишитесь ряда привилегий в будущем и встанете в один ряд с другими постояльцами. При всём моём уважении к вам, господин сержант, такие предложения, как сегодня, не делаются дважды.

Манфред оказался доволен тем, как отреагировал Ладвиг на рассказ о проекте «Напарник». Сначала сержант смотрел на егермайстера с оттенком недоверия, и тому пришлось вкратце пересказать историю Роющего Пса. Ладвиг стал проявлять интерес только после того, как узнал причину странных ощущений, возникших у него во время первого визита в Озёрный замок. Постепенно он преодолел в себе неприязнь к демонам, которая проявляется у каждого нормального человека при упоминании об этих кошмарных созданиях. Манфред счёл, что достаточно подготовил сержанта к предстоящей встрече с его будущим напарником и покинул тридцать восьмую камеру.

По пути в свой кабинет, егермайстер зашёл в архивный отдел и затребовал документы за тот день, когда сержант Ладвиг прибыл в Озёрный замок. Перечень не подлежащих выдаче вещей открывало оружие, вторым пунктом значились наличные средства. Была учтена и передана на хранение каждая монета. В третьем пункте был указан футляр, в котором содержался документ, выданный Магистратом Энгельбрука.

На этом перечень заканчивался, но в нём содержалась ещё одна строка, впоследствии замазанная чернилами другого цвета. Манфред не терпел даже незначительных исправлений в официальных бумагах, а тут он столкнулся с сознательным нарушением правил ведения документации. На перечне нашлась пометка архивариуса о том, что бумага поступила именно в таком виде.

«Любопытно. – Подумал егермайстер. – Никакого упоминания о гнедом жеребце по кличке Фитц. Что там было написано в четвёртом пункте, мне уже не узнать».

Имена стражников, принимавших вещи на хранение, указывались в перечне. Манфред сделал для себя выписку и отправился в конюшню. Трудно было предположить, что там найдётся неучтённая лошадь, но поговорить с конюхом следовало. Первый вопрос, который ему задал егермайстер, звучал следующим образом:

- Сколько в конюшне содержится лошадей, принадлежащих нашим постояльцам?
- Одна, – без раздумий ответил конюх.
- Покажи мне её. – Потребовал Манфред.

Некоторое время он наблюдал за тем, как серая в яблоках кобыла вытягивает из кормушки стебельки сухой травы, затем спросил: – Других лошадей нет?

- Я принимал только одну, – сказал конюх. – Вот за неё и несу ответственность.

Манфреду всё стало ясно и, проверяя свою догадку, он спросил:

- Значит, гнедого жеребца ты не видел?

Конюх долго соображал над ответом, но кривить душой не захотел:

- Видеть приходилось, – уклончиво сказал он и тут же уточнил: – но не в нашей конюшне.
- То, что твоей вины нет, я уже понял. Рассказывай, – предложил ему егермайстер. – Что произошло в тот день?

– Приводили стражники жеребца. Гнедого, как вы и говорили. Строптивный конь. Упрямылся, не хотел идти. Упустили его стражники. Зазевались, а он и сбежал от них. Они мне говорят, оформи коня, как полагается, мы же его доставили. Нельзя, говорю им, жеребца в конюшню не завели, значит, не могу оформить. Поругались они немного, да и ушли. Вот и всё.

- Так куда жеребец делся?
- Сбежал. – Простодушно ответил конюх.
- Понятно, что сбежал! – С досадой произнёс Манфред. – Искать нужно было.
- Искали. Я в тот же день оповестил постовых. Стража на тропе через болото сказала, что мимо них не пробежал. Вдоль крепостной стены он тоже не ходил.
- Почему ты так думаешь?
- Следов его нет, я проверял. Трава вдоль стены не поедена. Как росла, так и растёт.
- И где конь? Крылья отрастил и улетел?
- Не знаю. – Пожал плечами конюх. – Строптивный. К людям не пошёл. В болоте мог утонуть.

«Как это некстати, – подумал егермайстер. – Мне нужны доверительные отношения с сержантом. Если я перескажу Ладвигу рассказ конюха, лучше от этого не станет. Лишь бы он не решил, что мы нарочно спрятали от него жеребца. Глупейшая ситуация. Придётся придумывать историю, которая должна быть больше похожа на правду, чем есть на самом деле».

Манфред вернулся в свой кабинет, достал книгу, куда заносились все результаты экспериментов по проекту «Напарник» и начал с чистого листа новую запись:

«Во второй день пятой декады, второго короткого сезона, девятнадцатого длинного сезона от начала правления герцога Кэссиана, планируется формирование пары человек-демон путём непосредственного зрительного контакта. Человек – в прошлом сержант городской стражи Энгельбрука, двадцати одного длинного сезона от роду. Физическое и душевное здоровье в норме. Отличается живостью ума и высокой восприимчивостью. Вероятность успешного контакта с демоном – высокая. Демон...».

Егермайстер отложил перо, вынул из ящика стола папку, где содержались досье на каждого демона. Имён им, по понятным причинам, никто не давал, различались слуги сатаны только по номерам. Специально выделенный человек вёл наблюдения за демонами и вносил

в досье всё, что могло представлять, хоть какой-нибудь интерес. В папке находилось шестнадцать листов, один из которых был помечен красными чернилами. Его Манфред сразу же отложил в сторону.

Дикарь сумел убедить егермайстера в том, что этого демона опасно в третий раз подпускать к людям. Остальные досье содержали приблизительно одинаковые сведения, различий между демонами было немного. Манфред бегло просмотрел информацию о каждом из них, убрал обратно в папку досье, в которых отмечалась повышенная агрессивность. Из оставшихся егермайстер отбраковал самых прожорливых демонов, и в его руках осталось два листа бумаги.

Один из кандидатов проявлял повышенный интерес к людям. Выглядело это так: как только мимо его вольера проходил человек, демон начинал постукивать пальцами о стенки, словно хотел привлечь к себе внимание. У другого кандидата вообще не отмечалось особенностей поведения, поэтому наблюдатель не оставил в досье никаких записей, кроме количества потребленной за время содержания в неволе пищи.

«Этакий середнячок среди демонов. – Подумал Манфред. – Тоже вариант и не самый плохой. Спокойное и предсказуемое поведение – это то, что нам сейчас нужно».

На ладонях егермайстера, будто на весах, лежали оба досье. Каждое написанное в них слово, подобно крохотной гирьке, могло повлиять на окончательное решение.

«Общительность – хорошая черта, что в купе с низкой агрессивностью повышает шансы на успешный контакт с человеком».

Плечи «весов» несколько раз качнулись, отражая сложность стоявшего перед егермайстером выбора. Ещё раз, взглянув на листы бумаги, он оставил в руках тот из них, где записей было больше. Манфред обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать:

«...Демон (досье №14) утверждён мною лично. Проявляет интерес к людям. Негативных особенностей поведения не отмечено».

Стук в закрытую дверь раздался в тот момент, когда он ставил точку.

– Можешь войти, Адольф, – не глядя, сказал Манфред, по манере стучать в дверь, различавший всех своих помощников.

Адольф дождался, пока егермайстер закроет чернильницу и отложит в сторону книгу для записей, после чего доложил:

– Вас хотят видеть прачки.

– У них стало традицией, как минимум, один раз в декаду устраивать скандал. – Усмехнулся Манфред. – В прошлый раз мы признали, что были не правы. Чем они недовольны на этот раз?

– Прачки утверждают, что им поступило на два комплекта постельного белья больше, чем предусмотрено контрактом.

– Посоветуй им внимательно почитать контракт. Там указано, что работа, сделанная сверх оговоренной нормы, оплачивается по отдельному тарифу после подведения общих итогов каждого короткого сезона. Что тут непонятного?

Адольф переступил с ноги на ногу и тоскливо посмотрел на егермайстера:

– Их там целая депутация. Как только я пытаюсь что-то сказать, они начинают говорить все разом, и не дают мне рта раскрыть.

– Большая депутация?

– Начальник караула пропустил в замок только троих, но и от них столько шума...

– С каких пор ты стал бояться женщин, Адольф? – Насмешливо поинтересовался Манфред.

– Вы же знаете, мастер, что я не боюсь никого и ничего. Но обсуждать с женщиной денежные вопросы... Я даже с продажными девками расплачиваюсь, не торгуясь.

– О! Да ты для них настоящий подарок судьбы! – Улыбнулся егермайстер. – Спешу тебя заверить, друг мой, что с тремя женщинами разговаривать проще, чем с одной. Легче лёг-

кого, поверь моему жизненному опыту. Слушать их при этом необязательно. Достаточно просто кивать и соглашаться. Женщина до хрипоты будет отстаивать свою правоту, но если ей не перечить, то она быстро потеряет интерес к спору. Если хочешь получить преимущество над женщиной, дай ей возможность одержать над тобой победу. Понял?

– Нет.

– Когда женщина будет убеждена в том, что она победила, не приложив к этому значительных усилий, то она забудет половину тех требований, за которые собиралась бороться изначально, в расчёте на затяжной поединок. А если ещё и сделать небольшую уступку, то и этого будет достаточно, чтобы конфликт был полностью исчерпан.

– Значит, вы хотите им уступить, мастер?

– Я говорил о принципах, на которых нужно строить разговор с женщиной, Адольф. Ситуация, с которой мы сегодня имеем дело – несколько иная. Прачкам нужно просто дать выговориться. Как только они это сделают, я напому им пункты контракта, которые касаются оплаты, и вопрос сразу же будет решён.

– А вдруг они захотят пересмотреть условия оплаты своего труда?

– С чего бы это? Когда их представитель ставил свою подпись, то его абсолютно всё устраивало. Более того, я уверен, что здешним прачкам ещё несколько длинных сезонов не найти другого подряда, по выгоде сравнимого с тем, который мы им предложили. Мы их просто осчастливили, Адольф, и они не могут этого не понимать. Справедливости ради, должен отметить, что и нам выгодно с ними работать. На днях истекает первый короткий сезон, в течение которого мы пользуемся их услугами. Прачки должны догадываться, что их заработок целиком зависит от нашей порядочности, ведь, контракт составлен столь хитро, что у них нет действенных способов давления на нас. Устроив это представление, прачки деликатно напоминают, что осведомлены об условиях контракта и хотят выяснить, помним ли мы о необходимости платить за сверхнормативную работу.

Глава 6

Весь день после отъезда Ладвига и отца Корнелиса Грета не находила себе места, и виной тому был привидевшийся накануне сон. Ей часто снилось, будто она в свадебном платье идёт к алтарю рука об руку с Ладвигом. В жизни сержанта городской стражи Энгельбрука Грета занимала место квартирной хозяйки и любовницы. Она не пыталась претендовать на большее, из опасения потерять Ладвига, которого могло отпугнуть предложение узаконить их отношения.

Несвязанные никакими обязательствами мужчины его возраста редко задумываются о создании семьи. Грета упорно гнала прочь мысли о повторном браке, но они возвращались к ней в виде снов, в которых она стояла перед алтарём вместе с Ладвигом, и служитель Богов объявлял их мужем и женой. Такие сновидения всегда было очень приятно вспоминать, несмотря на очевидную их несбыточность.

В вызвавшем беспокойство сне, до алтаря дело не дошло. Преградивший путь в церковь священник не пропустил Ладвига внутрь, мотивируя свой отказ тем, что жених пришёл сюда не по своей воле. Грета уверяла служителя Богов, что это не так, что они любят друг друга, просила Ладвига подтвердить её слова, но он только грустно улыбался и качал головой. Раздосадованная женщина пошла обратно и не сразу заметила, что рядом с ней никого нет. Голос Ладвига доносился из лабиринта, образованного аккуратно подстриженным кустарником. Грета кричала, звала, но любимый её не слышал, и в попытках отыскать выход из лабиринта, Ладвиг уходил всё дальше и дальше.

Что и говорить, такой сон не мог предвещать ничего хорошего. В городе было несколько гадалок, с которыми Грета советовалась по поводу сновидений, но в этот раз она к ним не пошла. Для толкования подобного сна не требовалось каких-нибудь особенных знаний. Если человека не пускают в церковь, значит, за ним числится какая-то провинность. Лабиринт, из которого невозможно выйти, символизировал лишение свободы.

Из этих умозаключений Грета сделала вывод, что Ладвига неминуемо ждёт тюремное заключение. К сожалению, в том сне не было никаких намёков, как скоро произойдут события. Проведя бессонную ночь в раздумьях над тем, как помочь любимому, Грета поняла, что нужно отправляться за ним вдогонку. Насколько она помнила, святой отец, которого сопровождал Ладвиг, собирался возвратиться в Остгренц. Досадуя на себя, что не спросила, каким путём они туда поедут, Грета наспех собрала вещи в дорогу и вышла из дома.

Последний раз она покидала пределы городских стен Энгельбрука ещё при жизни своего мужа, когда они ездили в небольшой городок на границе с Восточным герцогством. Густав отправлялся инспектировать тамошнюю пекарню, хозяин которой изъявил желание вступить в столичный Цех булочников. Как объяснил Грете муж, никакой финансовой выгоды от этого провинциальный пекарь не приобретал, скорее наоборот, получал немалый единовременный убыток. Окупать взнос за вступление в Цех ему пришлось бы на протяжении нескольких длинных сезонов.

Единственная польза состояла в том, что над воротами его магазинчика теперь красовалась эмблема Цеха булочников из Энгельбрука. Это обстоятельство возвышало хозяина в собственных глазах и убеждало местных жителей в отменном качестве продукции пекарни. Кандидат в мастера Цеха булочников заранее оплатил проезд на две персоны для мастера-инспектора и сопровождающего лица. Густаву осталось только выслать письма хозяевам постоянных дворов, чтобы сообщить, когда планируется поездка. То путешествие Грета вспоминала с улыбкой, как лёгкое, беззаботное приключение, которое не смогли омрачить даже пьяные выходки мужа.

Поездка до Остгренца стоила приличных денег, но Грета нашла возможность сэкономить. Будучи вдовой цехового мастера, она пользовалась некоторыми привилегиями. Из сто-

лицы Восточного герцогства булочники получали какие-то особенные пряности, использовавшиеся в рецептах фирменной выпечки. Для своевременной доставки груза, Цех располагал караваном из четырёх вьючных лошадей, регулярно курсировавшим между Энгельбруком и Остгрэнцем. Грета не любила ездить верхом, но сейчас она была готова скакать на коне даже без седла, лишь бы предотвратить нависшее над Ладвигом несчастье.

Караван вышел из города на сутки позже, и за это время могло произойти всё, что угодно. Вскормленное тревожными мыслями воображение рисовало мрачные картины, одна страшнее другой. Грете хотелось быстрее отыскать сержанта, но пришлось мириться с тем, что караванщики делали остановку возле каждого постоялого двора.

«Вот так работнички, – трясаясь в седле, неприязненно думала женщина, – не иначе, как заходят пропустить по стаканчику. К вечеру на ногах не будут держаться».

По мере движения каравана вперёд, недовольство пассажирки росло, и во время очередной остановки, Грета обратилась к старшему караванщику:

– Почему вы позволяете вашим людям выпивать во время рабочего дня? Они же не пропускают ни одного придорожного заведения!

– Вы о чём, фрау Грета? – Изумился он. – На обратном пути в Остгрэнц мы занимаемся доставкой почты и мелких посылок. Ехать туда порожняком – слишком убыточно. Наши услуги стоят недорого, поэтому многие ими охотно пользуются. Останавливаемся только для погрузки-выгрузки почты. Что касается выпивки, то мои ребята дело знают, и до того, как мы остановимся на ночлег, никто из них не позволит себе лишнего.

– Простите, – пролепетала смущённая женщина, – я не знала... Не люблю возводить на людей напраслину. Простите великодушно...

– Откуда же вам было знать специфику нашей работы, фрау Грета? Здесь любой может ошибиться. – Старший караванщик миролюбиво улыбнулся. – Если я правильно понял, то вам необходимо быстрее попасть в столицу Восточных земель?

– Даже не знаю, как объяснить... – Грета задумалась. – Мне нужно предупредить одного человека о грозящей ему опасности. К сожалению, я не знаю, каким путём он отправился в Остгрэнц.

– Тогда наши остановки будут для вас очень даже кстати. Пока ребята разбираются с почтой, пообщайтесь с хозяином очередного заведения. Опишите приметы нужного вам человека. Так вы легко узнаете, проезжал он здесь или нет.

– Спасибо! – Искренне обрадовалась Грета, восхитившаяся тем, что удалось не только заметить неловкую ситуацию, но даже получить дельный совет. – Мне бы до такого ни за что не додуматься.

– Всегда рад помочь. С вашего позволения, я мог бы объяснить, каким образом нужно вести разговоры с трактирщиками. – Заметив, что женщина благосклонно отнеслась к этому предложению, он спросил: – Вы разыскиваете мужчину, или женщину, фрау Грета? Не стесняйтесь, я многое повидал в жизни. Способен хранить чужие тайны и не имею привычки осуждать кого бы то ни было.

– Мужчину.

– Это меняет дело. Прежде всего, не вздумайте говорить хозяевам заведения, что вы ищете своего мужа. В таком случае, вам никто ничего не скажет. Большинство отдыхающих от семейной жизни мужей – хорошие клиенты, которые щедро платят за девочек, выпивку и за то, чтобы об их похождениях никто не узнал. Кроме того, скандал, который может устроить ревнивая жена, не пойдёт на пользу заведению. Теперь еще один вопрос. Человек, которого вы разыскиваете, моложе вас, или старше?

– Моложе, – не стала скрывать Грета и почувствовала, как её щёки начали покрываться румянцем.

– Тогда скажете, что вы являетесь душеприказчицей своего безвременно почившего дядюшки и пытаетесь отыскать вписанных в его завещание наследников. При этом постарайтесь владеть своими чувствами и не проявлять излишнего волнения. Представьте, что вы обсуждаете цену на товар с рыночным торговцем или общаетесь с мальчишкой-посыльным. Если вам будут намекать на то, что неплохо бы заплатить за сведения о человеке, которого вы ищите, то это, скорее всего вымогательство. За деньги вас просто обманут, наговорив всякой ерунды. Честный трактирщик понимает, что с душеприказчика взять нечего и без всякого вознаграждения расскажет всё, что знает. А с пройдохами вам лучше дел не иметь.

– Спасибо за хорошие советы. Я так и поступлю.

– Удачи в поисках, фрау Грета! Если будет нужно, то обращайтесь ко мне за помощью.

В том, что она движется в правильном направлении, Грета смогла убедиться на следующее утро. Хозяин придорожного ресторанчика вспомнил, что подходящий под описание человек обедал здесь вчера.

– Он был один? – Спросила Грета. Помня о предостережении старшего караванщика, она решила проверить ресторатора на честность.

– Нет. С ним был какой-то тип в плаще с капюшоном. Уж на что наша официантка привычная к похотливым взглядам, но даже её проняло. Говорила, что так её никто ещё глазами не облизывал.

– Вы уверены, что видели именно того человека, которого я вам описала? – Нахмурилась женщина. Она не могла поверить, что путешествовавший в сопровождении Ладвига служитель Богов станет так себя вести.

– Не извольте сомневаться. Одежда на нём была, как вы и говорили. По всему видно, что человек на службе состоит. Выправку военную и без мундира видно. Меч у него с собой был длинный, такие я не часто вижу. Всё сходится.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Грета, не став забивать себе голову думами об отце Корнелисе. В данный момент её заботой был только Ладвиг.

«С ним всё в порядке», – подумала она и, словно убеждая себя, негромко произнесла вслух:

– С ним всё в порядке.

Каждое слово было тёплым, мягким, будто вязаный плед, который приятно накинуть на плечи, если вечер окажется прохладным. Эту простую фразу хотелось повторять и повторять, словно молитву. От неё становилось легко и спокойно на душе. Прикинув, на каком расстоянии от Энгельбрука обедали Ладвиг и отец Корнелис, Грета посоветовалась со старшим караванщиком и выяснила, где они могли останавливаться на ночлег. До тех мест было ещё далеко, и ей не слишком хотелось опрашивать хозяина следующего заведения, возле которого притормозил караван, ведь, там никак не могли видеть Ладвига. Старший караванщик с ней не согласился:

– Здесь торговый тракт пересекается ещё с одной дорогой. Удобное место, чтобы немного сократить путь до Остгрэнца. Можно проехать немного севернее, а потом снова выехать на торговый тракт. Та дорога не всегда открыта для проезда, и об этом следует справляться у здешнего трактирщика, чтобы не пришлось потом возвращаться назад.

Когда Грета спросила о Ладвиге у хозяина заведения, он сначала посмотрел куда-то за её спину, потом задал встречный вопрос:

– И как вы с ним в дверях не столкнулись? Только что здесь был.

Грета выскочила на улицу и остановилась возле обочины, разглядывая проезжавших по торговому тракту людей. Ни один из них не был похож ни на её квартиранта, ни на отца Корнелиса.

«Неужели хозяин подшутить надо мной решил», – подумала женщина, возвращаясь в трактир.

– Не догнали? – Сочувственно спросил трактирщик. – Не нужно было так быстро убежать. Я едва раскрыл рот, чтобы сказать, куда направлялись эти молодые люди, как вы уже оказались за дверями.

– Извините. Так, где мне их искать?

– У кого-то из них захромала лошадь. Рядом с моим заведением есть кузница. Ищите их там, если успеете застать.

На ходу выкрикивая слова благодарности, Грета побежала в указанном направлении. На неё уже начали глазеть люди, которых позабавила странная особа, мечущаяся между трактиром и дорогой. Стараясь не обращать внимания на шуточки в свой адрес, Грета приподняла подол платья и припустила в сторону кузницы. Кроме седовласого, заросшего густой бородой кузнеца, там никого не было.

– Добрый день! К вам только что подходили два человека, просили подковать коня. Вы, случайно, не знаете, куда они собирались ехать?

– Двое не подходили, – пробурчал кузнец, гремя какими-то железяками.

– Как же так... – растерялась Грета, – трактирщик мне сказал, что они к вам должны были зайти.

– Ему по должности его положено уметь считать, – тем же тоном произнёс кузнец, не прерывая своего занятия, – видимо, из ума стал выживать старый Айвар, или зрение начало его подводить.

Из трёх человек, только двух и заметил.

– Почему трех?

– Уж, не знаю, дамочка! – Язвительно ответил кузнец. – Но подъехали ко мне трое конных. Подкова у одной из лошадей разболталась. Пока я работу свою делал, они в трактир заходили.

– А был среди них такой, молодой, красивый...

– Я не девка, чтобы на них пялиться!

– Куда, хоть, они поехали? Вы не знаете? – Жалобным голосом спросила Грета. – Помогите, пожалуйста! Мне очень нужно знать!

– Обидели они меня. – Вздохнул кузнец. – Крепко обидели.

– Не заплатили? Я могу вам возместить... Только скажите, куда они поехали?

– Не в том печаль... До Энгельбрука, спрашивают, подкова твоя продержится? Обидно такое слышать... Про мою работу никто худого слова никогда не сказал.

– Вы, наверное, хотели сказать – до Остгрэнца. Они туда направлялись.

– Чего хотел сказать, то и сказал! – Кузнец громыхнул железяками и стал раздувать мехами огонь в горне.

Грета немного подождала, надеясь узнать ещё хоть что-нибудь, но кузнец повернулся спиной и никак не реагировал на её робкие попытки продолжить разговор. Ничего не оставалось, как возвратиться в трактир.

– Прошу вас поторопиться! – Крикнул ей вслед старший караванщик. – Нам уже пора в путь!

Грета кивнула на ходу и скрылась в дверях придорожного заведения. Хозяин радушно улыбнулся ей, будто встретил старую знакомую:

– Раз уж вы к нам в третий раз, то не налить ли вам чего-нибудь освежающего? Могу порекомендовать замечательный...

– Пожалуйста, – выдохнула запыхавшаяся женщина, – внешность одного человека я вам описала, а как выглядели остальные двое?

– Люди серьёзные, сразу видно. Похожи на переодетых в штатское военных или профессиональных телохранителей. Оба при мечях. Как зашли внутрь, сразу взглядом всё здесь обшарили. Обстановку, так сказать, оценили и только после этого к стойке подошли.

«Странно, – подумала Грета, – куда же делся отец Корнелис?».

До неё не сразу дошёл смысл сказанного трактирщиком. Ладвиг не мог случайно оказаться в компании переодетых военных. Эти люди арестовали его и теперь везли туда, где ему придётся отбывать наказание. Сон сбылся быстрее, чем могла ожидать Грета.

– Да вы побледнели, госпожа, – трактирщик покинул своё место за стойкой, довёл женщину до ближайшего стула, помог сесть и через некоторое время вернулся с кружкой на подносе: – Отведайте моего сидра. Приготовлен с добавлением особого сорта груш. Прекрасно освежает.

Она взяла кружку, сделала глоток, из вежливости поблагодарила, хотя не почувствовала никакого вкуса. Пересохшее от волнения горло нуждалось во влаге, как растрескавшаяся под жарким солнцем земля в дожде, и не имело значения, какой будет эта влага.

– Значит, они его арестовали, – с отчаянием в голосе произнесла Грета.

– Я бы так не сказал, – покачал головой хозяин заведения. – Человек, о котором вы спрашивали, был при оружии, носил за спиной длинный узкий меч. Тем, кто подвергается аресту, оружие не оставляют. По крайней мере, мне о таком слышать не приходилось.

– Мне тоже, – с облегчением вздохнула женщина. – Кузнец говорил, что они собирались ехать в сторону Энгельбрука. Вы ничего об этом не знаете?

– Обычно я не прислушиваюсь к разговорам посетителей, – словно оправдываясь, сказал трактирщик, – но, когда весь день проводишь за стойкой... вы же понимаете, волей-неволей запоминаешь какие-то отдельные слова. Когда те двое переодетых военных брали у меня пиво, то совещались между собой, успеют ли они к ночи добраться до Энгельбрука. Моё заведение находится не слишком далеко от города. Если не останавливаться по пути, то можно быть там к ужину без особой спешки. Я так полагаю, что они отправились в город кружным путем. Скорее всего, по дороге, которая ведёт на юг. Других предположений у меня нет.

– С вами всё в порядке, фрау Грета? – Спросил зашедший в трактир старший караванщик. – Нужно ехать. Мы и так задержались здесь слишком долго.

– Поезжайте дальше без меня. – Сказала женщина. – Планы изменились. Мне больше не нужно в Остгренц.

У Греты была с собой приличная сумма денег, на которые она собиралась нанять экипаж для путешествия по южной дороге, но трактирщик предложил другой вариант. За чисто символическую плату её взяли с собой двое крестьян, возвращавшихся в родную деревню тем же путём. Для одинокой путешественницы нашлось место среди тюков с товарами, которыми доверху была загружена телега. Удобно устроившись между ящиками с посудой, женщина закрыла глаза и даже немного вздремнула под мелодичное побрякивание стеклянных кувшинов и кружек.

Этот отрезок южной дороги не изобилует постоянными дворами и прочими придорожными заведениями. Трактирщик предусмотрительно рассказал Грете в каких местах следовало бы задавать интересовавшие её вопросы. Едва она заикнулась о том, что в пути нужно делать небольшие остановки, крестьяне наотрез отказались ей помогать. Но стоило предложить им выпивку за свой счёт, как проблема сразу решилась положительным образом. Телега останавливалась там, где указывала Грета, и никто из попутчиков не пытался её торопить.

Проехав почти половину пути до Энгельбрука, она не обнаружила никаких следов Ладвига и сопровождавших его людей. К тому времени уже стемнело, изрядно накачавшиеся крестьяне собирались остановиться на ночлег, прямо на обочине дороги. Грете стоило больших трудов уговорить их доехать до ближайшей гостиницы, где она сняла для себя номер на ночь. Неутешительные итоги дня заставили хорошенько обдумать дальнейшие действия. Она вспомнила слова трактирщика о том, что переодетые военные хотели к ночи добраться

до города. Если они конвоировали туда арестованного сержанта, то необязательно было делать такой крик. Значит, существовала какая-то другая причина.

«Мало ли какое у них могло быть дело, – успокаивала себя Грета. – Может быть, я зря беспокоюсь? Наверное, трактирщик по имени Айвар прав, и Ладвига никто не арестовывал. Его просто отозвали для выполнения другого, более важного задания... Великая Мать! Я же не оставила никакой записки... Вот, что я ему скажу, если он уже возвратился домой? Соседи тоже ничего не знают. Если Ладвиг обратится в Цех булочников, там ему скажут, что я неожиданно для всех поехала в Остгренц. То-то он удивится. Нет, нужно возвращаться домой. Чем скорее, тем лучше».

Едва дождавшись утра, Грета покинула гостиницу. Крестьяне громко храпели под своей телегой, и будить их не было никакого желания. На этот раз с транспортом ей повезло больше – в общественной карете, следовавшей до Энгельбрука, нашлось одно свободное место. Кучер обещал, что к полудню карета будет в городе, и это настраивало Грету на оптимистический лад. Находясь на службе, Ладвиг мог не появляться домой по несколько дней. Было бы хорошо, если так случится и в этот раз.

«Не пришлось бы объяснять ему свою глупую выходку. – Подумала она, глядя в окно кареты. – А всё тот сон меня взбаламутил. На редкость гадкий сон. Но сразу не сбылся. Это хорошо. Тогда есть шанс, что минует Ладвига такая судьба. Нужно будет по приезду в город пойти в Собор, сделать пожертвование и помолиться Милостивым Богам, чтобы миновала нас эта беда».

Выполняя данное себе обещание, Грета прежде всего направилась в церковь. Кучер не подвёл, и ей удалось успеть к началу полуденного богослужения. Она прослушала всю службу от начала и до конца, долго молилась после, прося Великую Мать проявить милосердие. По пути домой зашла на рынок, купила свежих продуктов, намереваясь приготовить роскошный ужин. Она была уверена, что Богиня не оставит без внимания молитвы, и Ладвиг обязательно возвратится этим вечером.

Глава 7

«Надо же, какие пышные слова – „новый род войск“, – потешался про себя Ладвиг, вспоминая недавний разговор с егермайстером. – Эти мечтатели решили, будто дрессированные демоны усилят войска герцога Кэссиана! Даже если дикарь смог приручить слугу сатаны, это ещё не означает, что из этих тварей можно сформировать боеспособное подразделение. Представляю, как вытянутся лица у солдат регулярной армии Восточного герцогства, когда они увидят наш зверинец на прогулке! Наверное, схватятся за животы от смеха и выронят оружие. Может, на это и было всё рассчитано? Манфред не показался мне наивным человеком, но он свято верит в идею создания боевой пары из человека и демона. Пускай считает, что приобрёл в моём лице единомышленника. Буду во всём с ним соглашаться. Когда затея потерпит неудачу, а я уверен, что она потерпит неудачу, мне бы не хотелось быть среди тех, на кого свалят вину за провал. Я уже не так наивен и понимаю, что следует держаться в стороне от сомнительных идей».

Коротая время, Ладвиг стал выполнять физические упражнения. Получив от ночных визитёров несколько чувствительных ударов в живот, он занялся укреплением мышц брюшного пресса.

Жизненный опыт подсказывал сержанту, что в покое его вряд ли оставят и следует ждать новых встреч с Арне и остатками его шайки. Ладвиг не держал зла на бывшего унтер-офицера городской стражи. Трудно сказать, как бы он сам поступил, окажись на месте Арне, которому не было смысла конфликтовать со злопамятным Тилло. К тому же, в случае его отказа, хромым пройдохой вполне мог найти и других исполнителей для осуществления мести, не таких великодушных, как Арне.

Меньше всего Ладвига беспокоила предстоящее знакомство со своим будущим напарником. Егермайстер гарантировал ему полную безопасность, предупредив, что на данном этапе не предусмотрено никаких тесных контактов. Необходимо будет просто посмотреть на демона, и таким образом между ними наладится связь, достаточная для отдания мысленных команд.

– Мне ему в глаза нужно будет смотреть? – Спрашивал во время того разговора сержант.

– Как таковых, глаз у демона нет. – Отвечал Манфред. – Зрение ему заменяет чувство обоняния, или что-то в этом роде. Когда вы его увидите, то поймёте, куда нужно смотреть.

– А что потом?

– Общение с человеком пробуждает разум демона. В отличие от своих диких собратьев, он становится умнее, начинает понимать и выполнять команды. Обретает способность анализировать ситуацию и действовать самостоятельно с пользой для своего напарника-человека.

– Ясно. А есть что-то, что мне не стоит делать во время первого знакомства?

– Есть. Я могу сказать, о чём вы не должны думать, но тогда выполнить это будет труднее.

– Я понял. – Засмеялся Ладвиг. – Если сказать человеку, чтобы он не думал о зелёном яблоке, то удержаться от этого будет невозможно.

– Совершенно верно. При налаживании мысленного контакта с демоном, вам нужно быть уверенным в себе, чтобы будущий напарник это почувствовал. Стоит запаниковать и потерять над собой контроль, как демон решит подчинить вас своей воле.

– Когда именно предстоит встреча с ним?

– Всему своё время, сержант.

«На этот вопрос егермайстер так и не ответил, – возвращаясь мыслями к недавнему разговору, подумал Ладвиг, – видимо, считает, что я пока не готов к участию в проекте „Напарник“. Подозреваю, что Манфред поведал не обо всём. Если бы демоны настолько интересова-

лись людьми, как рассказывал егермайстер, то в Диком лесу открылся бы уже вербовочный пункт».

Сержант не стал скрывать скепсиса, поэтому спросил:

– Кто-то ещё, кроме вашего дикаря, смог приручить демона?

– Имеющиеся в нашем распоряжении люди имеют слабую подготовку и пока малопригодны в качестве напарников для слуг сатаны. – Ответил Манфред. – Я уже говорил, что нам нужен инструктор, который сможет обучать других после того, как у него появится собственный опыт.

По коридору прошёлся надзиратель, проверявший, все ли двери камер закрыты. Дойдя до камеры сержанта, он заглянул в маленькое оконце и строгим голосом произнёс:

– Завтра начальство устраивает строевой смотр. Всем постояльцам надлежит привести в порядок одежду. Чтобы никаких оторванных пуговиц, прорех, криво наложенных заплат и тому подобного.

– Отлично! – Отозвался Ладвиг. – Даже если бы я и хотел заняться починкой одежды, то в темноте всё равно ничего не увижу.

– И то верно, – почесал лоб надзиратель. – Иголка с ниткой у тебя есть?

– Откуда? Всё отобрали.

– Вот тебе освещение, – дверь отворилась, надзиратель передал сержанту факел. – Смотри, не подпали здесь ничего. Я сейчас вернусь со швейными принадлежностями. Куда ты к столу с огнём пошёл? На стене, в ярде от пола кольцо есть. Там и закрепи факел.

Ладвигу впервые представилась возможность получше рассмотреть своё нынешнее жилище. Ничего нового он не увидел, разве что смог оценить изящные линии потолочной решётки, формой напоминавшей паутину. Поднеся к свету верхнюю одежду, тщательно осмотрел её и счёл достаточно годной для строевого смотра. Порезы, образовавшиеся после ударов ножами, были уже кем-то аккуратно заштопаны, а в остальном, всё выглядело вполне прилично. Он обернулся, чтобы сообщить об этом надзирателю, но тот уже звенел ключами дальше по коридору.

Где-то на верхнем ярусе камер закрипела отворяемая дверь, пламя факела задрожало, вспыхнуло ярче. Со стороны оконца в сторону потолочной решётки возникла ощутимая тяга воздуха, будто в печной трубе открыли заслонку. Из любопытства сержант шагнул вперёд и посмотрел вверх. Длинные гибкие плети метнулись к нему сквозь переплетение металлических прутьев, окружив со всех сторон. Короткие пальпы демона дотронулись до головы Ладвига, их касание было едва заметным, но устоять на ногах оказалось непросто. После каждого прикосновения, сержант чувствовал себя так, словно уже сделал шаг в пропасть и со страшной скоростью нёсся вниз навстречу гибели. Это повторялось бессчётное количество раз, ощущение верха и низа менялись местами, и в результате Ладвиг совсем перестал воспринимать своё тело. Стало казаться, что бесконечное падение остановилось, и он просто завис, как медленно тонущая в вазочке с вареньем муха.

Короткие пальпы демона пришли в движение, напоминая развевающийся на ветру плюмаж рыцарского шлема. Гибкие отростки стали складываться в сложные узоры удивительной красоты. Подсвеченные факелом, они, на мгновение ярко вспыхивали и гасли, но в сознании сержанта отпечатывался каждый узор, как если бы это были слова, нанесённые кем-то на лист бумаги. Ладвиг не понимал их смысла, да он в этот момент, мало что понимал вообще, не задумывался над мелькавшими перед глазами странными символами, не имея на то никакого желания. Его теперешнее состояние было трудно с чем-то сравнить, самое подходящее для этого понятие – сон наяву – не отражало и десятой доли того, что испытывал в тот миг сержант...

О том, что всё уже закончилось, Ладвига оповестила холодная струйка воздуха, коснувшаяся его щеки. Факел давно погас, и в камере даже не чувствовался запах дыма. Глядя широко

открытыми глазами в темноту, сержант силился понять, снилось ли ему все это, или произошло наяву. Казалось, он до сих пор находится во власти странного видения и по этой причине не видит ничего и не слышит.

Стоило только вспомнить о звуках, как мир моментально ими наполнился. Послышались шаги нескольких человек, раздался скрип закрывающейся двери, и почти сразу же Ладвига ударили чем-то твёрдым и тяжёлым. Сержант ещё не успел прийти в себя после встречи с демоном, поэтому с трудом мог реагировать на сыпавшиеся из темноты удары. Его били долго и обстоятельно, не тратя время на передачу приветов и разговоры. Ситуация казалась не совсем реальной, если бы не боль, напоминавшая о том, что всё происходит наяву...

Ночные визитеры ушли так же внезапно, как и появились.

«Никогда бы не подумал, что способен радоваться уходу гостей, – мысленно произнёс Ладвиг, пытаясь добраться до кровати. – Что бы ни говорили, а побыть одному так приятно».

Одинокостью сержант наслаждался недолго. У него возникло стойкое ощущение чьего-то присутствия рядом с собой. Затем в сознание грубо вторглась некая сила, принявшаяся перебирать содержимое памяти Ладвига на манер посетителя библиотеки, бегло просматривающего страницы взятой наугад книги. Некоторые воспоминания вызвали у «посетителя» повышенный интерес.

– Красиво как... – восторженно прошептал мальчишка, рассматривая украшенные гербами шатры, колыхавшиеся на ветру знамёна и герольдов в пёстрых одеяниях. – Я раньше никогда не участвовал в настоящем рыцарском турнире.

– Пахам пока рано участвовать в состязании, – заметил Хилдебранд. – Поупражняйся с мечом

ещё два-три длинных сезона, подрасти, окрепни, дождись, когда я сделаю тебя своим оруженосцем. Вот тогда и придёт твоё время выходить на ристалище. Что касается этого турнира, то назвать его настоящим, язык не поворачивается.

– Почему? – Искренне удивился Ладвиг. – Доспехи вон какие красивые, оружие до блеска начищено, лошади все рослые, как на подбор.

– Из того, что ты перечислил, разве что лошади настоящие, – усмехнулся рыцарь. – Да и то, мало какая из них приспособлена для реального сражения. Посмотри на эти красивые доспехи. Что ты видишь? Кругом филигрань, позолота, перья и ленты. Флюгера на шлеме только не хватает. Такое впечатление, что эти доспехи создавал дамский портной. Оружие, говоришь, до блеска начищено? Приглядишься вон к тому огромному мечу. Да, вон к тому, возле которого выставлен караул из двух пажей. Видимо, для солидности.

– Цвейхандер. – Сразу же определил Ладвиг. – Мощная гарда и длинная рукоять под двуручный хват. Должно быть, меч очень тяжёлый.

– Ещё бы. Скажу больше, он совершенно неподъёмный. Сделан только для того, чтобы потешить самолюбие владельца. Судя по узорам на клинке и характерному блеску металла, сталь использовалась не оружейная. Если найдётся силач, который сможет опробовать этот меч, то он будет сильно разочарован. Такое чудо кузнечного искусства согнётся после первого же удара. Настоящее оружие не нуждается в украшениях. Оно может выглядеть невзрачно для

непосвященного человека, но те, кто понимает суть боевых искусств, всегда будут видеть красоту в простых и строгих линиях рыцарского меча.

– А рыцари на турнире настоящие?

– Открою тебе страшную тайну, малыш, – Хилдебранд оглянулся по сторонам и понизил голос: – большинство участников турнира, очень смутно представляют себе, что такое быть рыцарем. Они думают, что достаточно нацепить на себя позолоченную металлическую скор-

лупу и пару раз взмахнуть бутафорским мечом, как сразу же превратятся в великих воинов, о которых будут слагать легенды.

– Почему вы говорите об этом шёпотом?

– С моей стороны было бы жестоко лишать людей их любимых заблуждений. Если вдуматься, то многим из них заблуждения заменяют веру, принципы и смысл жизни. Я не ставлю перед собой задачу просветить, или переделать этих людей. Такое не всегда по силам даже Великим Богам.

– Тогда, что мы здесь делаем?

– Это средней руки турнир, устроенный в честь бракосочетания виконта Герарда. Я получил особое приглашение от его отца, графа Дедрика, и вместе с Эйлертом буду участвовать в показательных поединках. Мы продемонстрируем зрителям искусство боя на полтораручных мечах.

– Чем прикажете заниматься мне?

– Помимо своих повседневных обязанностей, ты будешь выполнять представительские функции.

– Прошу прощения, мой господин. Я вас не понял.

– Ты можешь делать всё, что пожелаешь, но должен вести себя так, чтобы не была задета моя честь. О каждом рыцаре судят по поведению его пажей и оруженосцев. Если они поступают неподобающим образом, это бросает тень на репутацию самого рыцаря. Случается, что пажу, или оруженосцу приходится защищать честь своего господина от нападков недоброжелателей. Это нужно делать решительно и с достоинством. Надеюсь, что ты меня не подведёшь.

– Я буду стараться, мой господин.

Специально приглашённым рыцарям не нужно было заботиться о жилище на время проведения турнира. Для этих целей устроители предоставили походные шатры, снабдив каждый из них вымпелом с соответствующим гербом. Пока Ладвиг переносил в шатёр багаж, Хилдебранд и Эйлерт решили нанести визит вежливости хозяевам. Помня о том, что ему разрешена полная свобода действий, паж быстро распаковал вещи и отправился на прогулку.

Турнир не успел начаться, участники и зрители представляли собой единую людскую массу и ещё не разошлись по своим местам. Самым ярким зрелищем, которое Ладвигу пришлось видеть до нынешнего дня, была сельская ярмарка, собиравшая жителей из нескольких соседних деревень. Сегодня он попал на ярмарку, где основными товарами были тщеславие, высокомерие и зависть.

Каждый из присутствовавших старался выделиться из толпы, для чего применял любые средства, которые мог использовать. Рыцари соревновались между собой в пышности походного шатра, степени блеска парадных доспехов и размерах свиты. Некоторых из них сопровождали четыре-пять оруженосцев и с десятков одинаково одетых пажей и это, не считая слуг. Зрители ревниво наблюдали друг за другом, отмечая, кто во что нарядился, одежды какого цвета преобладают в костюме у тех, или иных людей.

Сначала Ладвиг не мог сообразить, зачем им это было нужно, но, прислушавшись к разговорам, понял, что зрители таким способом выявляли, кто из них какому рыцарю симпатизирует. Постепенно собирались группы единомышленников, громко восхвалявших достоинства своих кумиров и споривших до хрипоты с теми, кто не соглашался с их мнением. Здесь же обсуждались шансы на победу в предстоящих поединках, а некие предприимчивые личности предлагали всем желающим делать ставки.

На любознательного мальчишку обрушился шквал впечатлений, которые он впитывал с детской непосредственностью, не единожды заставившей его пережить состояние полного восторга. Переходя от одного шатра к другому, Ладвиг старался побывать, где только получится и увидеть как можно больше. Его внимание привлёк громкий смех, доносившийся со сто-

роны плотной группы людей. С трудом протиснувшись в первые ряды, паж увидел, что взгляды зрителей прикованы к человеку, напялившему на себя совершенно нелепую одежду.

Собранный из разноцветных лоскутов короткий камзол, из-под которого виднелся голый живот, сам по себе уже выглядел смешно. Ноги человека были затянuty в четырёхцветные, до невозможности зауженные шоссы. Но верхом глупости мог считаться его головной убор, сшитый, похоже, из нескольких колпаков малого размера. На каждом свободно свисавшем матерчатом конусе болтался небольшой бубенчик.

Человек этот занимался тем, что передразнивал кого-нибудь из проходивших мимо людей. При этом он столь ловко копировал походку, осанку и манеру поведения, что всем сразу становилось ясно, кого именно он сейчас изображает. Из выкриков зрителей, Ладвиг понял, что этого артиста называют шутом, и сам с удовольствием принялся наблюдать за его ужимками. От души веселившиеся люди были довольны представлением, которое разыгрывал шут, и в награду кидали ему мелкие монеты.

Выбирая очередной объект для своих насмешек, шут оглядел толпу, и его взгляд остановился на Ладвиге. Артист сразу же сделал глупое лицо, для чего выпучил глаза, приоткрыл рот и часто заморгал.

«Не может быть, чтобы я так выглядел, – подумал паж, с неудовольствием глядя на смеющихся людей, начавших показывать на него пальцами, – и рот у меня закрыт».

Он твердо решил уйти и уже начал протискиваться между плотно стоявшими зрителями, когда услышал, как кто-то из них прокричал:

– Ну, точь в точь, Хилдебранд!

Ладвиг моментально вернулся на прежнее место и успел заметить, как шут, проходя мимо женщин, отвешивает им поклоны, дурашливо вздёргивая при этом плечом. Чем-то это действительно напоминало привычку Хилдебранда, который не любил, когда во время поклона с его спины съезжает набок плащ.

– Возмутительно насмеяться над моим господином! – Громко сказал вышедший вперёд паж. – Немедленно прекратите!

На его слова обратил внимание только один человек, и это был шут. Он сразу же перестал кривляться, соорудил на своём лице глуповато-надменное выражение, выпрямил спину, сделавшись даже выше, чем казался до этого. Ладвиг не знал, что ему делать дальше, потому что цель оказалась достигнута, он защитил честь своего господина и теперь с чистой совестью мог удалиться. Но у шута на этот счёт были свои планы. Откуда-то он раздобыл парочку деревянных мечей, путём нехитрой пантомимы сообщив зрителям, что оружие очень тяжёлое и острое.

Один меч артист воткнул в землю возле Ладвига, а с другим проделал несколько замысловатых упражнений, что вызвало у зрителей шквал аплодисментов. Похоже, шут собирался устроить очередное дурацкое представление, но у мальчишки не было желания принимать в этом участие. Он отвернулся, намереваясь уйти, и в то же мгновение почувствовал, как что-то коснулось его спины. Обернувшись, Ладвиг удивлённо уставился на лежавшую под ногами отрезанную куриную лапку, а зрители зашлись в очередном приступе хохота.

– Это старина Хофнар бросает тебе вызов! – Объяснил кто-то из толпы. – Придётся, парнишка, принимать бой!

– Поединок! Поединок! – Стали скандировать зрители.

Какой-то вертлявый мужичок спросил у пажа его имя, а потом взял на себя обязанности герольда:

– Внимание, дамы и господа! Сейчас состоится поединок на мечах! Доблестный рыцарь Ладвиг против непобедимого и ужасного Хофнара!

При этих словах шут оскалил зубы и стал сотрясать воздух своим деревянным мечом, демонстрируя свирепость и непреклонную волю к победе. Хотя пажу и польстило, что его назвали рыцарем, он не собирался дальше участвовать в этом потешном представлении,

но отступать было некуда. Зрители громко вопили его имя, требуя сразиться с Хофнаром. Ладвиг нехотя взялся за рукоять воткнутого в землю меча и потянул её на себя. Под всеобщий хохот гарда сразу же отвалилась от деревянного клинка. Мальчишка сердито стиснул зубы и схватился за остатки меча, но, как ни старался, выдернуть его из земли не смог. Деревянное лезвие было обильно смазано густым жиром, и руки постоянно скользили, не давая возможности крепко ухватиться.

Выражавшие полное одобрение происходящему зрители уже не смеялись, они стонали, держась за животы. Так бы и остался Ладвиг без оружия, если бы не великодушие Хофнара. Шут передал противнику свой меч, а сам изготовился к бою, держа в руках длинную флейту. Решив, что ничего не теряет, мальчишка взмахнул деревянным оружием и сделал выпад в сторону противника. Тот не стал парировать удар музыкальным инструментом, а всего лишь уклонился, сыграв на флейте простенькую мелодию. Ладвиг провёл новую атаку, считая, что на этот раз достанет наглого шута, но меч прошёл в дюйме от тела Хофнара. Благодаря удивительной гибкости, шут ухитрился избежать ударов, оставаясь на одном месте, и ещё что-то весело насвистывал на флейте.

Ладвиг сменил тактику и, сделав вид, что после длинного замаха последует рубящее движение мечом, провёл колющий удар, при содействии левой руки, добавив ему силы и точности. Это был любимый финт Хилдебранда, многократно отработанный им в тренировочных боях с Эйлертом. Если бы в руках оказался настоящий меч, то шут в полной мере испытал на себе гнев паж. Увернуться Хофнар не успел и получил приличный по силе тычок в грудь, после чего опрокинулся на спину. Всё ещё держа меч обеими руками, Ладвиг занёс его над лежащим противником и замер, ожидая с его стороны очередную хитрую выходку, а толпа уже восторженно ревела:

– Добей его! Смерть побеждённому!

Хофнар поймал взгляд мальчишки, подмигнул ему, незаметно для окружающих показав на небольшую выпуклость на своей груди. Паж ничего не понял, и уже собрался было убрать меч, как вдруг шут ухватился обеими руками за деревянное лезвие и рывком направил его себе в грудь.

Зрители ахнули, когда из той самой выпуклости брызнула в разные стороны кровь. Как и все остальные, Ладвиг не ожидал, что совершенно дурацкий бой закончится столь ужасным образом, но испугаться не успел. Стоя ближе всех к поверженному врагу, он заметил, как по губам Хофнара скользнула улыбка, и только после этого у шута началась агония.

«Умирал» он долго, сопровождая этот процесс несуразными воплями и конвульсивными подёргиваниями конечностей, затем распластался на земле в нелепой позе и затих. У зрителей случился новый, до колик в животе, приступ смеха, а потом они начали громко прославлять победившего «рыцаря Ладвига». В «скончавшегося» шута со всех сторон полетели монеты, причём их было столько, что складывалось впечатление, будто из денег сразу решили насыпать могильный курган.

Только после этого Хофнар позволил себе воскреснуть и долго раскланивался, подбирая с земли гонорар за выступление. О Ладвиге больше никто не вспоминал, поэтому он с радостью бросил деревянный меч и покинул поле боя. Заметив на тыльной стороне ладони пятно «крови» шута, мальчишка недоверчиво поднёс руку к носу.

«Да это же красное вино, – понял он. – Вот так, жулик, этот Хофнар. Задурил всем головы».

Глава 8

Когда депутация прачек, покинула кабинет Манфреда, присутствовавший, при их беседе Адольф восторженно зааплодировал.

– Не перестаю восхищаться вами, мастер, – сказал он. – Всё произошло именно так, как вы и предсказывали.

– С самого начала я не позволил превратить разговор в перепалку, затем дал понять женщинам, что я дружелюбно настроен, а потом направил их мысли в нужном направлении. – Говоря это, егермайстер набросал несколько строк на листе бумаги, свернул вдвое, вложил в конверт, запечатал восковой печатью и передал помощнику. – Вот письменный приказ для смотрителя зверинца Дугальда. Сегодня к ночи нужно будет доставить одного из демонов в замок. Проследи за тем, чтобы все было организовано, как нужно, Адольф, и если возникнут какие-то препятствия, сразу же сообщи.

– Слушаюсь, мастер. Сделаю в лучшем виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.